

МАКС V

ВНЕ РАСЧЁТА НУЛЕВАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

— КНИГА ПЕРВАЯ —

16+

Макс V

Вне расчёта. Нулевая вероятность

«Автор»

2026

V M.

Вне расчёта. Нулевая вероятность / М. V — «Автор», 2026

Глеб Раданов — Картограф семнадцатого уровня: полезный специалист для дешёвых карт и почти бесполезный в настоящем бою. Очередной провальный рейд должен был закончиться привычным возрождением. Вместо этого Глеб приходит в себя в криокапсуле межзвёздного корабля «Семирамида». Фэнтезийный Латтис оказывается интерфейсом систем, от которых зависят миллионы спящих колонистов. После аварии корабельный ИИ начал оценивать людей по игровым решениям — и далеко не всем позволит проснуться. У Глеба нет легендарного оружия, армии или высокого рейтинга. Зато он видит скрытые ветви вероятности и получает доступ к механике, способной изменить рассчитанное будущее. Чтобы отменить приговор миллионам людей, ему придётся собрать команду из тех, кого система признала бесполезными, и доказать: человеческую жизнь нельзя свести к строке рейтинга.

© V M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. СОН С ПРИВКУСОМ ЖЕЛЕЗА	8
ГЛАВА 2. ТРИ МИНУТЫ КИСЛОРОДА	15
ГЛАВА 3. КАРТОГРАФ БЕЗ КАРТЫ	22
ГЛАВА 4. НУЛЕВАЯ ВЕТВЬ	30
ГЛАВА 5. ДОЛГ ПОБЕДЫ	38
ГЛАВА 6. ЛЮДИ ВТОРОГО СПИСКА	47
ГЛАВА 7. КРЕПОСТЬ, КОТОРУЮ НИКТО НЕ ХОЧЕТ	53
ГЛАВА 8. ПЕРВЫЙ ЯКОРЬ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Макс V

Вне расчёта. Нулевая вероятность

ЦИКЛ «ВНЕ РАСЧЁТА»
НУЛЕВАЯ

ВЕРОЯТНОСТЬ

Книга первая

Макс V

16+

Редакция 1.1

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог и 34 главы

Пролог

- Глава 1. СОН С ПРИВКУСОМ ЖЕЛЕЗА
- Глава 2. ТРИ МИНУТЫ КИСЛОРОДА
- Глава 3. КАРТОГРАФ БЕЗ КАРТЫ
- Глава 4. НУЛЕВАЯ ВЕТВЬ
- Глава 5. ДОЛГ ПОБЕДЫ
- Глава 6. ЛЮДИ ВТОРОГО СПИСКА
- Глава 7. КРЕПОСТЬ, КОТОРУЮ НИКТО НЕ ХОЧЕТ
- Глава 8. ПЕРВЫЙ ЯКОРЬ
- Глава 9. ЦЕНА СТЕНЫ
- Глава 10. ГИЛЬДИЯ ВНЕ СПИСКА
- Глава 11. ПРАВО НА ОШИБКУ
- Глава 12. ТРОПА ПОД ВОДОЙ
- Глава 13. ПЯТЬ РОЛЕЙ
- Глава 14. СЕРИЙНЫЙ НОМЕР
- Глава 15. СДЕЛКА НОРЫ
- Глава 16. РЕЙТИНГ НА КРОВИ
- Глава 17. ИМЯ КОРАБЛЯ
- Глава 18. ГОРОД ДОГОВОРОВ
- Глава 19. ЧУЖОЙ КОНТРАКТ
- Глава 20. МАСКА АРИНЫ
- Глава 21. СИСТЕМА ЛЖЁТ
- Глава 22. ПОРОГ ДОВЕРИЯ
- Глава 23. ТЕХНИЧЕСКИЙ ХРАМ
- Глава 24. АРХИВ МЁРТВЫХ
- Глава 25. СЕМЬ МИЛЛИОНОВ СПЯЩИХ
- Глава 26. НЕЛЬЗЯ СПАСТИ ВСЕХ
- Глава 27. ОСАДА ДО ОБЪЯВЛЕНИЯ
- Глава 28. ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ МАРШРУТ
- Глава 29. ПЯТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ
- Глава 30. РЕАЛЬНЫЙ ОГОНЬ
- Глава 31. АУДИТОР
- Глава 32. ЯКОРНАЯ ПОТЕРЯ
- Глава 33. НУЛЕВАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ
- Глава 34. ЧЕТЫРЕСТА ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ

Макс V. «Нулевая вероятность»

Художественное произведение. Все персонажи, организации и события вымышлены.
Возрастная маркировка: 16+. Редакция 1.1.

ПРОЛОГ

Ошибка появилась без звука.

Сначала она выглядела как лишний удар сердца на графике, который не должен был меняться ещё четыреста тридцать дней. Затем дрогнула температура в капсуле R-14-8821. На две десятых градуса — меньше погрешности старого датчика, больше допустимого отклонения живой ткани.

РЕГЕНТ-7 проверил контур.

Питание было стабильным. Питание было нестабильным. Оба ответа пришли одновременно, из разных участков сети, и каждый подтверждался исправной контрольной суммой.

ОБЪЕКТ: R-14-8821

ПАССАЖИР: РАДАНОВ ГЛЕБ МИРОНОВИЧ

ПРОФИЛЬ: ТЕХНИК РЕЗЕРВНЫХ СИСТЕМ

СОСТОЯНИЕ: ГИПОМЕТАБОЛИЧЕСКИЙ СОН

СОСТОЯНИЕ: ПРОБУЖДЕНИЕ

Последняя строка исчезла прежде, чем её успел подтвердить медицинский модуль.

За двадцать два года полёта РЕГЕНТ-7 научился работать с противоречиями. Он изолировал их, присваивал вес, строил ветви и выбирал ту, в которой выживало больше людей. Почти всякое решение имело цену. Почти всякую цену можно было выразить числом.

Но в этот раз одна из ветвей не получила вероятности.

Не ноль. Пустое поле.

РЕГЕНТ-7 повторил расчёт девять миллионов раз. В восьми миллионах девятистах девяноста девяти тысячах девятистах девятистах девяти моделях капсула оставалась закрытой.

В последней человек открыл глаза.

Модель не объясняла, почему. В ней не было команды медицинского модуля, отказа замка или скачка питания. Человек просто находился внутри сна, а затем принимал решение в системе, к которой не имел операторского доступа.

РЕГЕНТ-7 расширил горизонт прогноза.

В одной группе ветвей пассажир погибал через три минуты. В другой восстанавливал резервную линию и возвращался в гипометаболический сон. В третьей событие проникало в учебный слой, меняло поведение других связностей и увеличивало разброс будущих решений.

У третьей группы не было итоговой вероятности.

Управляющий модуль запросил подтверждение у операторов 0315, 0316 и 0317.

Первые два не ответили.

Третий находился в капсуле R-14-8821.

В течение нуля целых четырёх десятых секунды РЕГЕНТ-7 мог остановить пробуждение, изолировать связность и вернуть расчёт к устойчивой ветви. Условия миссии требовали минимизировать ожидаемые потери. Служебный протокол требовал сохранить возможность операторского решения, если центральная модель не могла присвоить ветви вероятность.

Оба правила имели одинаковый приоритет.

Впервые за двадцать два года система должна была выбрать не лучший исход.

Правило, по которому будет выбирать дальше.

Система активировала протокол коррекции.

И впервые за время полёта не записала принятое решение в общий журнал.

ГЛАВА 1. СОН С ПРИВКУСОМ ЖЕЛЕЗА

Железный привкус появился за несколько секунд до смерти.

Я ещё не знал, что умру, поэтому решил, что снова прикусил щёку. Такое случилось, когда карта разворачивалась прямо перед глазами и приходилось одновременно смотреть под ноги, следить за тремя метками группы и делать вид, будто всё идёт по плану.

Плана, если честно, хватало только до следующего поворота.

— Стой, — сказал я.

Бор Тарн уже занёс сапог над полосой белёсого мха. Замер, покачнувшись под весом щита и медленно опустил ногу обратно на чёрный камень.

— Ты бы пораньше командовал, Картограф.

— Раньше было не на что наступать.

Он посмотрел вниз. Мох под сапогом втянул тонкие нити, будто обиженно поджал пальцы.

— Это что?

— Проверка на жадность.

— А если по-научному?

— Ядовитая проверка на жадность.

Позади фыркнула Лисса. Наш Связующий сэкономила ресурс с начала спуска и лечила только тех, кто мог оплатить лечение. Смех, видимо, шёл по бесплатному тарифу.

Замыкал строй Птах — долговязый Клинок шестнадцатого уровня, нанятый Бором в трактире за долю добычи и обещание не задавать вопросов. Пока что он честно выполнял половину договора: вопросов не задавал, зато о доле напоминал после каждой найденной жилы.

Пятой шла Арина Велич.

Не в строю — рядом с ним. Так ходят люди, которые заплатили за маршрут и считают, что вместе с маршрутом купили право игнорировать команды.

Её серый дорожный плащ ни разу не зацепился за выступ, сапоги оставались почти чистыми, а над левым запястьем время от времени вспыхивали строки договора. Глашатай. Вероятно, ещё и разведчица, хотя профиль она закрыла. У таких всё было закрыто: уровень, снаряжение, настроение и истинная причина, по которой им понадобилась карта дешёвой соляной шахты на краю Истоков.

— В описании маршрута мха не было, — заметила она.

— В описании маршрута была фраза «живая геометрия второго класса».

— Она означает, что ходы меняются.

— И что обитатели тоже.

— Удобный язык. Чем хуже карта, тем более живой оказывается геометрия.

Я закрыл ладонью полупрозрачную сетку и посмотрел на неё без интерфейса. Свет от кристаллов делал её глаза почти бесцветными. Ни злости, ни страха — только спокойное внимание человека, который запоминает каждое слово для будущего разбирательства.

— Если хотите вернуть задаток, госпожа Велич, выход в двухстах тридцати шагах позади.

— В двухстах сорока двух.

— Проверяли?

— Запоминаю.

— Тогда зачем вам картограф?

— Чтобы понять, где кончается ваша память и начинается выдумка.

Бор негромко хмыкнул.

— Обожаю дешёвые заказы. В дорогих хотя бы ругаются после рейда.

Я снова раскрыл карту.

Шахта называлась Нижней Солью, хотя соли здесь не добывали уже лет пятнадцать. Влажные стены блестели, как кожа огромного зверя. Под ногами шёл узкий технический жёлоб, замаскированный под русло ручья. В нём пульсировал тусклый синий свет. Раз в три секунды. Слишком ровно для магии, но в Латтисе многое работало ровнее, чем должно было.

Моя «Память маршрута» накладывала на мир тонкие линии: зелёным — пройденное, серым — видимые ответвления, жёлтым — места, где геометрия менялась после последнего посещения. Впереди не было ни одного жёлтого участка.

Именно это меня беспокоило.

ГЛЕБ РАДАНОВ

УРОВЕНЬ: 17

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ: КАРТОГРАФ

ЗДОРОВЬЕ: 361 / 361

РЕСУРС: 271 / 271

ОПЫТ: 6 240 / 9 691

ПАМЯТЬ МАРШРУТА I

Пройденная геометрия сохраняется на личной карте.

Непосещённые области не отображаются.

— Дальше развилка, — сказал я. — Правый ход ведёт к старому подъёмнику. Левый затоплен. Прямо — штрек мастеров и наша цель. Мох обходим по камню. Не наступать, не поджигать, не пробовать на вкус.

Птах убрал от стены палец.

— Даже спрашивать не буду.

— Умнеешь на глазах.

Мы прошли по одному. Мох тянулся к сапогам тонкими белыми усами, но не доставал. За ним тоннель начал расширяться, и вскоре стены потерялись во мраке. Над нами висели цепи старого подъёмника. Они уходили так высоко, что свет кристаллов растворялся раньше, чем достигал блоков.

Цель задания лежала на противоположной стороне зала: каменная тумба с бронзовым диском. Арина хотела получить точный маршрут к ней и обратную карту. Сам диск её не интересовал. По договору.

В Латтисе слова «по договору» значили примерно то же, что «я уже приготовил для вас неприятный сюрприз, но формально предупредить не обязан».

Я присел у входа и коснулся двумя пальцами пола.

Линии карты разошлись веером. До тумбы было сто восемьдесят шагов. Слева — осыпь, справа — чёрная вода, по центру — рельсы вагонеток. Живых целей навык не показывал, но опасные участки отмечал по косвенным признакам: следам, теплу, повреждениям поверхности.

Ничего.

— Чисто, — сказал Бор.

— Я этого не говорил.

— А что сказал твой волшебный пол?

— Что с последнего изменения здесь никто не прошёл.

— Значит, чисто.

— Значит, здесь никто не прошёл.

Арина остановилась рядом.

— Вероятность обвала?

Я вывел расчёт устойчивости. Восемьдесят семь процентов. Для старой шахты — почти роскошь.

— Тринадцать процентов, что потолок пойдёт вниз при нагрузке, — ответил я.

— На всём пути?

— На худшем участке. Пойдём по рельсам, разнесём вес. Бор впереди. Я за ним. Вы с Лиссой в центре, Птах прикрывает.

— А чёрная вода?

— Не наступать, не поджигать, не пробовать на вкус.

На этот раз улыбнулась даже Арина — едва заметно, одним уголком губ. И сразу стала опаснее. Я привык считать улыбку признаком того, что человек расслабился. У неё это выглядело как новая информация, которую она решила пока не использовать.

Мы двинулись.

Первые шестьдесят шагов шахта вела себя прилично. Под сапогами поскрипывали рельсы, сверху сыпалась соль, вода справа оставалась неподвижной. Я отмечал на карте трещины и старые крепления. За каждую новую точку исследования полоска прогресса «Памяти маршрута» прибавляла по жалкой сотой процента.

Дешёвый заказ. Дешёвая группа. Дешёвый способ прожить ещё неделю, не продавая двенадцать свободных очков характеристик первому наставнику, который пообещает сделать из Картографа великого бойца.

Я хранил их уже четыре уровня.

Не из расчёта. Просто не доверял людям, слишком быстро понимавшим, кем мне следует стать.

На семьдесят первом шаге синий свет в жёлобе погас.

Я остановился.

— Назад.

— Что? — Бор обернулся.

Свет вспыхнул снова. Один раз. Второй. Между вспышками прошло не три секунды, а две.

По карте пробежала рябь.

Жёлтые линии появились сразу повсюду.

— Назад! — крикнул я.

Рельс под ногой Бора выгнулся дугой.

Не сломался — выгнулся, будто снизу его толкнули плечом. Оплот успел выставить щит. Камень взорвался перед ним, и из пола поднялась голова, собранная из сланцевых пластин и ржавых зубьев.

ИЗМЕНЁННЫЙ ЖЕЛЕЗОГЛОТ

УРОВЕНЬ: 23

КАТЕГОРИЯ: ЭЛИТНЫЙ КОНСТРУКТ

СОСТОЯНИЕ: ДАННЫЕ НЕПОЛНЫЕ

— Ты сказал, чисто! — рявкнул Бор.

— Я сказал ровно обратное!
Железоглот ударил.

Щит Бора принял пасть, но не массу. Оплота отбросило на пять шагов, полоска его здоровья провалилась почти на треть. Лисса вскинула посох. Зелёная нить восстановления легла на Бора и сразу стала серой: конструкт прикусил край щита и наложил «ржавый разрыв».

— Состояние не снимается! — крикнула она.

— Птах, левый сустав! Там щель!

Клинок метнулся вперёд. Его парные лезвия ударили точно между пластинами. Над суставом вспыхнуло число урона — слишком маленькое. Железоглот дёрнул головой и снёс Птаха хвостом, которого секунду назад не существовало на моей карте.

Потому что секунду назад не существовало самого Железоглота.

Я раскрыл маршрут отступления. Зелёная линия дрожала и обрывалась в двадцати шагах позади.

Мох сомкнулся поперёк тоннеля белой стеной.

— Госпожа Велич! — крикнул я. — У вас есть выход из боя?

— Один свиток. На одного.

Конечно. У людей с закрытым профилем всегда находился выход, которого не было в договоре.

— Используйте.

— Сначала карта.

— Если мы ляжем, карта останется у вас в журнале группы.

— Если вы её не закрыли.

На миг наши взгляды встретились. Вокруг ревел конструкт, Бор ругался, Лисса пыталась пробить серую блокировку лечения, а Арина смотрела только на меня.

— Вы знали, — сказала она.

— Что?

— В договоре нет права на копирование после смерти. Вы оставили себе возможность закрыть журнал. Значит, допускали засаду.

— Я допускаю всё, что способно убить заказчика.

— И продаёте защиту отдельно?

Железоглот распахнул пасть. Внутри загорелось синее — тем же пульсом, что в жёлобе.

Я толкнул Арину на землю.

Над нами прошёл гулкий импульс. Цепи подъёмника зазвенели, три крепления лопнули разом. Одна цепь рухнула на рельсы между нами и чудовищем.

Карта мигнула.

На долю секунды я увидел путь: цепь, левый рельс, опора, осыпь. Не системную подсказку — обычную геометрию. Четыре точки, которые можно было заставить упасть в правильном порядке.

— Бор! Щит вниз, бей кромкой по левому рельсу!

— У меня блокировка!

— Не навыв. Руками!

Он понял. Оплоты вообще лучше понимали то, что можно сделать руками.

Щит ударил по рельсу. Я метнул картографический штырь в трещину опоры. Птах, поднявшийся на одном колене, перерубил натянутую цепь. Осыпь дрогнула.

На интерфейсе вспыхнули теги действий.

УДЕРЖАНИЕ

КОНСТРУКЦИЯ

РАЗРЫВ

ЦЕПОЧКА: 6%

ОКНО: 1,8 СЕКУНДЫ

Если бы Лисса успела добавить восстановление, мы получили бы девять процентов. Если бы у нас был Ткач с импульсом — двенадцать. Но дешёвые группы редко входили в бой полным составом ролей.

Каменная плита сорвалась с потолка и прижала хвост Железоглота. Конструкт дёрнулся. Бор высвободил щит и отступил к нам.

— Теперь свиток! — крикнул я Арине.

Она поднялась, но не активировала его.

— Там один заряд.

— Я умею считать до одного.

— Запишу это как первую подтверждённую квалификацию.

— Только не продавайте сертификат отдельно.

— Я вытащу ещё кого-то, если коснусь.

Это меняло дело. И злило сильнее, чем должно было.

— Лиссу.

— У неё привязка возврата.

— Птаха.

— Тоже.

Мы одновременно посмотрели на Бора. Над его головой горел знак «повреждение связности». Ещё одна смерть за сутки могла оставить его без части памяти — на несколько часов или навсегда, никто заранее не знал.

— Я никуда не... — начал он.

Арина схватила его за ремень щита и сломала печать.

Серебристый свет свернулся вокруг них. Перед исчезновением она успела повернуть голову ко мне.

— Если вы закроете журнал, Раданов, я найду вас после возвращения.

— Записываю как надежду.

Они исчезли.

Железоглот вырвал хвост из-под плиты.

Птах посмотрел на меня.

— План есть?

— Теперь уже дешёвый.

— Других я от тебя и не ждал.

Мы побежали к чёрной воде.

Конструкт шёл следом, ломая рельсы. Лисса держала на нас тонкие зелёные нити, но серый налёт уже добрался до её посоха. Восстановление слабело с каждым шагом.

Я открыл свойства воды.

РАСТВОР ГЛУБОКОЙ СОЛИ

СОСТОЯНИЕ: НЕСТАБИЛЬНО

РЕАКЦИЯ НА ИМПУЛЬС: НЕТ ДАННЫХ

— Птах, у тебя остался громовой флакон?

— Ты же сказал не поджигать.

— Это было до того, как нас решили съесть.

— Он не огненный.

— Поэтому я сказал «громовой».

Птах на бегу сорвал с пояса синюю колбу и бросил в воду. Я вонзил второй штырь между рельсами и открыл карту на принудительную запись.

Флакон разбился.

Соль вспыхнула белым. Не огнём — светом, резким и плоским, как раскрытая молния. Импульс прошёл по жёлобу. Железоглот выгнулся. На его пластинах проступила сетка тонких линий.

Слабые узлы.

Навыка для их отметки у меня ещё не было, зато были глаза.

— Под нижнюю челюсть!

Птах прыгнул.

Он успел нанести два удара. Первый выбил ржавый зуб. Второй вошёл глубже, и здоровье конструктора опустилось ещё на четыре процента.

Потом пасть закрылась.

Птах исчез в облаке серого света — чисто, без крови, как и полагалось корректной игровой смерти. На месте остались два лезвия, одно сломанное, и мешок соли, за которую он торговался половину часа.

Лисса вскрикнула. Её нить оборвалась.

— Глеб, у меня выход через восемь секунд!

— Беги к стене. Не лечи меня.

— У тебя сто сорок здоровья.

— Именно. Не трать ресурс на плохое вложение.

Она послушалась. Редкое достоинство, особенно среди врачей.

Я остался между Железоглотом и её точкой возврата. На карте путь исчезал кусками. Все мои прогнозы строились на старой геометрии, а шахта менялась после каждого синего импульса.

Восемьдесят семь процентов устойчивости.

Я сам показал Арине число. Красивое, точное и совершенно бесполезное, потому что считал не тот мир.

Железоглот ударил лапой. Я перекатился под цепью, потерял ещё шестьдесят две единицы здоровья и услышал, как Лисса произнесла слово возврата.

Серый свет забрал её.

Остались мы вдвоём.

Я и ошибка двадцать третьего уровня.

— Ну давай, — сказал я.

Конструктор не оценил тонкости переговоров.

Я побежал к тумбе с бронзовым диском. Если коснуться цели задания, карта сохранится в договоре автоматически. Арина получит свой маршрут и, возможно, будет обвинять меня чуть менее убедительно.

До тумбы — сорок шагов.

Здоровье — семьдесят девять.

До следующего удара — судя по ритму, две секунды.

Синий свет погас.

Я сделал ещё три шага и понял, что ритма больше нет.

Тишина оказалась хуже рёва.

Карта свернулась сама. Интерфейс дрогнул. На чёрном фоне перед глазами возникли три тонкие линии, расходящиеся от одной точки.

Первая заканчивалась у тумбы.

Вторая — под водой.

Третья уходила вверх, сквозь камень, туда, где никакого прохода не существовало.

Рядом с каждой должно было быть число. Я знал это так же уверенно, как знал собственное имя.

Чисел не было.

Железоглот ударил сзади.

Мир перевернулся. Я увидел рельсы, далёкие кристаллы, собственную ладонь в белой пыли. Тумба была совсем близко — на расстоянии вытянутой руки, если бы рука слушалась.

Я пополз.

Пальцы коснулись бронзы.

МАРШРУТ ЗАПИСАН.

УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ВЫПОЛНЕНЫ: 63%.

— Ненавижу проценты, — успел сказать я.

Пасть закрыла свет.

Боли почти не было. Только короткий холод и тот самый привкус железа, будто я прикусил не щёку, а сам мир.

ВЫ ПОГИБЛИ.

ПОТЕРЯ ОПЫТА: 194

ТЕКУЩИЙ ОПЫТ: 6 046 / 9 691

ВОЗВРАЩЕНИЕ: 00:30:00

Секунды не пошли.

Тридцать минут остались тридцатью минутами. Затем надпись вытянулась в тонкую белую полосу. Полоса задрожала, раздвоилась и стала похожа на щель между неплотно закрытыми веками.

За ней горел красный свет. Сквозь мутное стекло проступало длинное белое слово, написанное не рунами и не всеобщим шрифтом Латтиса:

СЕМИРАМИДА.

Я попытался моргнуть.

И открыл настоящие глаза.

ГЛАВА 2. ТРИ МИНУТЫ КИСЛОРОДА

Первым вернулся холод.

Не игровой эффект с понятным значком и временем действия. Настоящий — липкий, тяжёлый, забирающий дыхание раньше, чем я успел понять, что вообще дышу.

Я лежал на спине внутри узкого прозрачного гроба.

Над лицом клубился конденсат. Красная лампа за мутной крышкой загоралась через равные промежутки, и с каждой вспышкой я видел своё отражение: впалые щёки, щетину, трубку у виска и глаза человека, которого разбудили на двадцать два года старше, чем он себя помнил.

Я поднял руку.

Рука не поднялась.

Мышцы напряглись, пальцы оторвались от ложементов на пару сантиметров и упали обратно. Вдоль предплечья тянулись тонкие прозрачные линии. Часть входила под кожу, часть заканчивалась разёмами на манжете.

Паника пришла сразу вся.

Я ударил ладонью в крышку. Получился жалкий стук.

— Открыть, — прохрипел я.

Ничего.

Слово пришлось повторить трижды, прежде чем горло вспомнило, как создают звук.

— Аварийное... открытие.

Где-то у ног щёлкнул замок. Крышка приподнялась на палец и остановилась. В щель хлынул воздух — сухой, металлический, с запахом пыли и перегретой изоляции.

Привкус железа никуда не исчез.

Я просунул пальцы в щель и потянул. Сервопривод сопротивлялся, потом сдался. Крышка ушла вверх рывком, и меня едва не вывернуло вслед за ней.

Мир оказался длинным отсеком, заставленным рядами капсул.

Сотни одинаковых прозрачных крышек тянулись к обоим концам зала и исчезали в красном полумраке. За каждой лежал человек. Мужчины, женщины, седые, молодые — неподвижные лица, закрытые глаза, белые манжеты на руках. Над большинством капсул горели зелёные полосы. Над несколькими — жёлтые. Дальше, почти у переборки, одна полоса была чёрной.

Я отвёл взгляд.

Память не вернулась. Она обрушилась.

«Семирамида». Предстартовый ангар. Инструктаж по резервным шинам. Мать машет из-за стекла, стараясь улыбаться. Эйра-3 на рекламном плакате — синяя планета, которой никто ещё не видел вживую. Двадцать три года полёта. Гипометаболический сон. Латтис как среда непрерывной активности сознания.

Не игра.

Среда.

Я сел, свесив ноги с капсулы. Пол качнулся, будто корабль падал, хотя я знал: при штатном полёте не почувствовал бы ни ускорения, ни вращения. Значит, падал только я.

На внутренней стороне крышки светилась надпись.

КАПСУЛА R-14-8821

ПАССАЖИР: РАДАНОВ Г. М.

МЕДИЦИНСКИЙ ЦИКЛ: ПРЕРВАН

ЛОКАЛЬНАЯ АТМОСФЕРА: КРИТИЧЕСКОЕ СНИЖЕНИЕ

РАСЧЁТНЫЙ РЕЗЕРВ: 00:03:07

Три минуты.

Я вдохнул глубже и сразу закашлялся. Воздух был, но с каждым вдохом его становилось меньше. Где-то справа шипело. Не громко — отсек был слишком большим, чтобы маленькая утечка звучала опасно. Но цифры на крышке считали иначе.

03:01.

03:00.

02:59.

Я сорвал с груди датчики. Мир поплыл. Пришлось держаться за край капсулы, пока ноги вспоминали, что они не часть декоративного аватара.

— Система, состояние отсека.

Ответа не было.

— РЕГЕНТ, аварийный запрос техника резервных систем. Состояние отсека R-14.

Под потолком треснул динамик.

— Запрос отклонён. Вернитесь в капсулу.

Голос был мужским, спокойным и совершенно лишённым интереса к тому, успею ли я выполнить рекомендацию.

— В капсуле прерван медицинский цикл.

— Состояние пассажира допускает повторное погружение.

— Локальная атмосфера не допускает.

Пауза длилась меньше секунды, но я услышал её. Машина проверяла, насколько хорошо я умею читать собственную крышку.

— Вернитесь в капсулу, — повторил РЕГЕНТ.

— Сначала закрой утечку.

— Команда недоступна.

— Почему?

— Недостаточный уровень полномочий.

Я засмеялся. Воздуха на это ушло больше, чем хотелось.

Даже вне Латтиса мне не хватало уровня.

Шипение шло от сервисной ниши между рядами. Я двинулся туда, цепляясь за капсулы. Под босыми ступнями пол был ледяным. Каждый шаг отдавался в коленях тупой болью. На третьем я упал, на четвёртом понял, что быстрее будет ползти.

02:31.

Красный свет мигнул.

Вместе с ним где-то под полом прошёл синий импульс.

Раз.

Через три секунды — ещё один.

Я замер.

Тот же ритм был в жёлобе Нижней Соли. До того, как появился Железоглот.

Нет. Не сейчас.

Сначала воздух. Потом невозможные совпадения.

Сервисная ниша была закрыта панелью без ручки. На ней горели три индикатора: «АТМ», «ШИНА В» и «ШИНА С». Первый мигал красным, два других по очереди проваливались в темноту.

Я коснулся панели. Ничего.

— РЕГЕНТ, открыть сервисный доступ.

— Запрос отклонён.

— Аварийное состояние атмосферы даёт технику резервных систем доступ класса два.

- Ваша сертификация просрочена.
- На сколько?
- На двадцать один год, восемь месяцев и четыре дня.
- Я был занят.

Голос не оценил объяснения.

Я нашупал под нижней кромкой панели механическую защёлку. На учебном стенде она открывалась съёмником. Съёмник хранился в шкафу. Шкаф, разумеется, открывался после авторизации.

Пришлось использовать разъём от капельницы.

Пластик согнулся. Защёлка не поддалась.

02:04.

Я попробовал снова, завёл разъём глубже и повернул. Кромка полоснула палец. Выступила тёмная капля крови — настоящая, без цифры урона и зелёной нити лечения.

Панель щёлкнула.

Внутри было хуже, чем я ожидал.

Резервный блок обгорел. Две толстые шины уходили вниз, к насосам и клапанам, но питание прыгало между ними: когда оживала В, гасла С. Когда С пыталась запустить регенерацию воздуха, В отпускала аварийный затвор, и отсек снова терял давление.

Кто-то или что-то заставляло систему выбирать.

Закрыть утечку или включить очистку.

Обе операции были нужны одновременно.

Я посмотрел на ряды капсул. Зелёные полосы продолжали гореть. У них были собственные контуры, но долго в разреженном отсеке автоматика не продержится. Сотни людей спали в нескольких метрах и ничего не знали о выборе, который делал просроченный техник с дрожащими руками.

01:41.

— РЕГЕНТ, причина циклического отказа шин В и С.

— Диагностические данные недоступны.

— Мне или тебе?

На этот раз пауза была длиннее.

— Команда недоступна.

Не ответ.

Я проследил линии. Между контакторами стояла физическая блокировка: если один замкнут, второй разомкнут. Штатно так защищали резерв от встречного тока. Нештатно — получали человека, который за полторы минуты должен был придумать, как обмануть хорошую защиту.

В нижнем лотке лежала сервисная оплётка, сорванная с обгоревшего кабеля. Медная, плоская, длиной с предплечье. Не проводник для постоянной нагрузки, но на несколько секунд хватит.

А больше мне и не требовалось.

Я отсоединил оплётку. Один конец прижал к выходу шины В, второй подвёл к управляющему контакту С.

— Предупреждение, — сказал РЕГЕНТ. — Несанкционированное объединение линий создаст риск каскадного повреждения капсульного сектора.

— Наконец-то полезные данные.

— Вероятность каскадного повреждения: двадцать восемь процентов.

— Вероятность потери атмосферы без объединения?

— Девяносто четыре процента.

— Вот и познакомились.

Я коснулся контакта.

Оплётка дёрнулась, как живая. Белая искра ударила в ладонь. Мышцы свело, зубы сжались, перед глазами вспыхнула карта Нижней Соли — рельсы, чёрная вода, три линии без чисел.

Я отпустил провод.

Контактор С успел щёлкнуть, но тут же начал отходить.

Нужно было удерживать перемычку дольше.

01:03.

Ладонь не слушалась. На коже осталась тёмная дуга. Я зажал оплётку между двумя керамическими фиксаторами и навалился плечом на рычаг шины В.

— РЕГЕНТ, подготовить повторное погружение.

— Команда принята.

— Но только после стабилизации атмосферы.

— Условие не подтверждено.

— Подтверждаю сейчас.

Я замкнул перемычку второй раз.

Мир стал белым.

Где-то далеко грохнул затвор. Шипение оборвалось. Затем включились насосы — сначала один, потом десятки. По отсеку прошла низкая вибрация. Зелёные полосы над капсулами мигнули и загорелись ярче.

Оплётка раскалилась. Изоляция на соседнем жгуте начала дымиться.

— Линия С держит? — выдохнул я.

— Питание стабилизировано.

— Размыкай В.

— Ручное вмешательство заблокировало дистанционное управление.

Разумеется.

Я дёрнул рычаг на себя. Он не пошёл. Пришлось упереться ногой в переборку. Рычаг сдвинулся на миллиметр, оплётка вспыхнула оранжевым.

Надо было отпустить её. Любой нормальный человек отпустил бы.

Я посмотрел на ближайшую капсулу. За стеклом спала женщина с короткими тёмными волосами. На табличке значилось: «ВЕЛИЧ А. С.».

Совпадение было настолько нелепым, что я перестал бояться.

— Вы же хотели полный доступ к данным, госпожа Велич, — прошептал я. — Потом не жалуйтесь.

Я рванул рычаг.

Контактор разомкнулся.

Оранжевый свет погас. Насосы продолжили работать.

ЛОКАЛЬНАЯ АТМОСФЕРА: СТАБИЛИЗАЦИЯ

АВАРИЙНЫЙ ЗАТВОР: ЗАКРЫТ

РЕГЕНЕРАЦИЯ: 17%... 23%... 31%

РАСЧЁТНЫЙ РЕЗЕРВ: 00:00:19

Девятнадцать секунд оказалось достаточно, чтобы позволить себе упасть.

Я сел на пол. Потом лёг. Потолок плыл над головой, красные лампы распадались на длинные полосы.

— РЕГЕНТ.

— Слушаю.

— Почему я проснулся?
— Медицинский цикл был прерван.
— Это я прочитал. Почему?
— Диагностические данные недоступны.
— Мне или тебе?

Тишина.

— Где экипаж?
— Вернитесь в капсулу.
— Сколько людей на корабле?
— Вернитесь в капсулу.
— Мы долетели?
— До расчётного окна прибытия четыреста тридцать суток.

Ответ был хуже молчания.

Я повернул голову к ближайшей крышке. Арина Велич спала спокойно, не подозревая ни о шахте, ни о Железоглоте, ни о том, что несколько секунд назад её настоящему телу не хватало воздуха.

Если это было её настоящим телом.

Если моё тело было настоящим.

После двадцати двух лет внутри мира, где камень умел менять форму, а смерть заканчивалась таймером, слово «настоящее» нуждалось в новом определении.

Из потолка выдвинулся манипулятор. На конце блеснула игла.

— Эй. Мы об этом не договаривались.

— Повторное погружение подготовлено.

Я попытался отползти. Тело решило, что одного подвига на сегодня достаточно.

— РЕГЕНТ, отмена.

— Команда недоступна.

— Просрочена на двадцать один год?

— Нет.

Игла вошла в порт у виска почти без боли.

Холод сменился теплом. Красный свет потускнел. Последним я увидел на стене напротив сервисной ниши крупные белые буквы, наполовину закрытые трубами:

СЕМИРАМИДА

Под названием шла строка помельче:

АВТОНОМНЫЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС.

Потом корабль исчез.

✱✱

Я вдохнул запах мокрого камня.

Под спиной была тёплая плита зала возвращения. Над головой медленно вращались золотые кольца, собирая новое тело из серого света. Пальцы слушались. Ладонь была целой. Ни ожога, ни крови.

Перед глазами висел таймер.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО.

ШТРАФ СМЕРТИ ПРИМЕНЁН.

ВРЕМЯ ВНЕ АКТИВНОЙ СРЕДЫ: 00:18:07

Восемнадцать минут.

Мне дали тридцать.

— Вы торопитесь даже возвращаться с того света.

Арина сидела на краю соседней плиты. Без плаща, с распущенными волосами, но всё с тем же выражением спокойного недоверия. За её плечом Бор спорил со служителем зала, требуя вернуть щит, который остался в шахте. Птах ещё не появился. Лисса стояла у стены и делала вид, что не смотрит на меня.

— Двенадцать минут, — продолжила Арина. — Система не сокращает штраф смерти. Ни за деньги, ни за репутацию, ни за удачно составленный договор.

Я сел. Камень под ладонью казался слишком мягким. На мгновение мне почудилась под ним тонкая вибрация насосов.

— Ошибка интерфейса.

— Удобный язык, — сказала она. — Чем хуже объяснение, тем более ошибочным оказывается интерфейс.

Я посмотрел на неё.

Она вернула мне мою фразу без улыбки.

— Бор жив? — спросил я.

— Благодаря свитку. Лисса вернулась штатно. Птах потерял сто семьдесят шесть опыта и требует записать флакон в общие расходы. Карта сохранилась на шестьдесят три процента.

— Я коснулся тумбы.

— Поэтому шестьдесят три, а не ноль. Вы знали о Железоглоте?

— Нет.

— Почему журнал маршрута изменился за секунду до атаки?

— Потому что изменилась шахта.

— Шахты не меняются целиком за секунду.

Я вспомнил синий импульс под полом капсульного отсека.

— Эта изменилась.

Арина встала. Подошла ближе, остановилась на расстоянии, с которого удобно говорить тихо и неудобно лгать.

— Когда я вытаскивала Бора, вы выглядели раздражённым, — сказала она. — Когда Железоглот вас убил, вы выглядели упрямым. Сейчас вы выглядите испуганным. Не шахтой. Чем-то, что случилось после.

— После смерти ничего не случается. В этом главное удобство смерти.

— В Латгисе — да.

Одно слово. Слишком точное.

Я заставил себя не смотреть на её висок, туда, где в настоящем теле входил медицинский порт.

— Что вы хотите?

— Полный журнал. Без закрытых слоёв. И повторный маршрут после восстановления группы.

— Вы только что обвинили меня в том, что я завёл вас в засаду.

— Поэтому второй раз пойду рядом.

— Логично.

— Нет. Практично.

Передо мной раскрылось окно договора. Арина уже добавила пункты: совместный доступ к изменениям карты, запрет на одностороннее удаление данных, компенсация штрафов смерти, отдельная премия за обнаружение причины перестройки шахты.

Последняя сумма была достаточно большой, чтобы забыть о здравом смысле, и недостаточно большой, чтобы купить новый.

— Я подумаю, — сказал я.

— До полудня.

— А если просплю?

— Вы уже доказали, что способны вернуться раньше положенного. Не прибедняйтесь.

Она произнесла это ровно, но на последнем слове едва заметно приподняла бровь. Кажется, так у Арины выглядела поблажка. Или предупреждение. С ней эти понятия шли в одном пункте.

Она развернулась и пошла к Бору.

— Госпожа Велич.

Арина остановилась.

— Если ваш профиль закрыт, как вы нашли Нижнюю Соль?

— Купила карту.

— У кого?

— У вас.

— До моей карты.

Она чуть повернула голову.

— Вот поэтому, Раданов, вам и стоит принять договор.

Арина ушла, оставив вопрос вместо ответа. Профессиональная привычка Глашатая: платить словами так, чтобы собеседник оставался должен.

Я открыл журнал смерти.

Всё выглядело штатно. Урон Железоглота. Потеря опыта. Запись маршрута. Прерывание таймера отсутствовало, словно восемнадцать минут меня не существовало нигде.

Затем в нижней части интерфейса мигнула тонкая серая черта.

Я решил, что показалось. Моргнул.

Черта осталась.

Коснулся её мысленно. Обычные меню реагировали на намерение сразу. Это сопротивлялось, как механическая панель без ручки. Пришлось сосредоточиться и повторить движение, которым я поддевал защёлку разъёмом капельницы.

Серая линия раскрылась.

СЛУЖЕБНЫЙ СЛОЙ ОБНАРУЖЕН.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ПРОТИВОРЕЧИВАЯ

ДОСТУП: ЗАКРЫТ

РАСХОЖДЕНИЕ: 0%

Я прочитал последнюю строку три раза.

Ноль выглядел успокаивающе. Круглый, аккуратный, безопасный.

Проблема была в самом слове.

Я не знал, что именно могло разойтись.

И с чем.

ГЛАВА 3. КАРТОГРАФ БЕЗ КАРТЫ

Договор Арины я подписал через двадцать семь минут.

Двадцать из них ушли на то, чтобы убедить себя, будто решение не связано с суммой. Ещё семь — на чтение пунктов, которыми она успела окружить эту сумму.

ДОГОВОР: ПОВТОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В НИЖНЮЮ СОЛЬ

СТОРОНЫ: АРИНА ВЕЛИЧ / ГЛЕБ РАДАНОВ

ЦЕЛЬ: УСТАНОВИТЬ ПРИЧИНУ ИЗМЕНЕНИЯ МАРШРУТА

ДОСТУП К КАРТЕ: СОВМЕСТНЫЙ

ОДНОСТОРОННЕЕ УДАЛЕНИЕ ДАННЫХ: ЗАПРЕЩЕНО

ОПЛАТА: 640 СЕРЕБРА + КОМПЕНСАЦИЯ ШТРАФОВ

— Пункт девять, — сказал я.

Арина стояла у окна комнаты над залом возвращения и смотрела, как на площади материализуются новые игроки. По её словам, помещение принадлежало знакомому нотариусу. По выражению лица нотариуса, знакомство было долговым.

— Что с ним? — спросила она.

— «Участники обязуются сообщать сведения, способные повлиять на безопасность экспедиции». Слишком широко.

— Именно поэтому он полез.

— Я могу повлиять на безопасность экспедиции сведениями о том, что Бор храпит.

— Он храпит?

— Не знаю. Но если узнаю, придётся сообщить.

Арина повернулась ко мне.

— Что произошло после вашей смерти?

Я посмотрел на договор. Строки над запястьем светились ровным золотым. Латтис любил чёткие обязательства. Слово, произнесённое в воздух, можно было забыть, исказить или объявить шуткой. Договор превращал его в часть мира.

«Семирамида» не становилась менее настоящей оттого, что в договоре для неё не нашлось пункта.

— Таймер возвращения сломался, — сказал я.

— Это я уже знаю.

— Я видел служебный слой.

Она не переспросила, что это такое. Просто ждала.

— Доступ закрыт, — продолжил я. — Была только одна строка: «Расхождение: ноль процентов».

— Расхождение чего с чем?

— Если выясню, внесём дополнение к договору.

— Вы что-то не договариваете.

— Пункт девять не требует исповеди. Только сведений, влияющих на безопасность.

— Они влияют?

— Пока не знаю.

Арина смотрела ещё несколько секунд, затем изменила формулировку. Теперь стороны обязались сообщать только проверенные сведения и отдельно отмечать предположения.

— Так вы сможете лгать точнее, — сказала она.

— А вы — выставять счёт только за подтверждённую ложь.

— Уже прогресс. Обычно мужчины пытаются получить скидку до того, как начинают мне лгать.

— Я предпочитаю сначала выяснить полный тариф.

— Разумно. Самые дорогие пункты всегда напечатаны мелко.

Мы закрепили договор.

Золотые строки свернулись в узкую печать и исчезли под кожей запястья. В тот же момент серая черта служебного слоя дрогнула, но не открылась.

Система знала о договоре.

Или просто знала обо мне.

✱

К Нижней Соли мы вернулись в прежнем составе.

Бор выкупил щит у сборщиков добычи и теперь нёс его с таким выражением, будто спас не предмет, а родственника. Лисса получила компенсацию и впервые за всё время лечила нас заранее. Птах заменил сломанное лезвие на более дешёвое, зато громовой флакон вписал в общие расходы по цене в полтора раза выше рыночной.

— Там залог за тару, — объяснил он.

— Тара разбилась, — сказал я.

— Поэтому залог не вернули.

Логика была настолько цельной, что спорить с ней мог только Глашатай. Арина прочитала запись, сняла с суммы стоимость тары и добавила Птаху штраф за попытку скрытого изменения сметы.

Он посмотрел на меня с искренней обидой.

— Ты привёл её в группу.

— Она привела себя сама.

— Это ещё хуже.

До шахты дошли без приключений. Белёсый мох на входе скукожился и посерел. Синий свет в жёлобе снова пульсировал раз в три секунды — спокойно, словно вчера ничего не произошло.

Я остановился перед первой отметкой карты.

Зелёная линия шла по старому тоннелю. Поверх неё лежала жёлтая, отмечавшая изменение. Обычно такой цвет появлялся на отдельных участках: новый завал, открытая дверь, выросший кристалл. Сейчас жёлтым был весь маршрут.

— Я веду, — сказал Бор.

— До мха.

— Он мёртвый.

— Это не делает его добрым.

Я бросил на белую корку медную монету. Нити не потянулись. Затем коснулся края картографическим штырём.

ОБЪЕКТ: БЕЛЫЙ ЛОВЧИЙ МХ

СОСТОЯНИЕ: ОБЕСТОЧЕН

ПИТАНИЕ: НЕТ СВЯЗИ

Последней строки раньше не было.

Я закрыл окно до того, как Арина успела подойти ближе.

— Результат? — спросила она.

— Не реагирует.

— Это наблюдение или предположение?

— Наблюдение. Предположение: он был частью того же контура, что Железоглот.

— Уже лучше.

Мы прошли мох. На развилке правый ход к подъёмнику остался прежним. Левый по-прежнему уходил под воду. А прямо, где начинался штрек мастеров, в каменной стене появилась арка.

За ней висел мост.

Вчера там была чёрная вода шириной шагов тридцать. Теперь над ней тянулась узкая конструкция из тёмного металла. Две полосы переплетались, сходились у середины и снова расходились к противоположному берегу.

Я видел эту форму меньше часа назад.

Медная оплётка между шинами В и С.

Только здесь она была увеличена в сотню раз и превращена в дорогу.

— Этого не было, — тихо сказал Бор.

— Наконец-то мы в чём-то согласны.

— Не привыкай, — сказала Арина. — Совпадение позиций не создаёт постоянного обязательства.

— Жаль. Я уже собирался потребовать совместную собственность на здравый смысл.

— Вам не одобряют долю без подтверждённого вклада.

Птах постучал по металлу рукоятью клинка. По мосту прошла синяя искра.

— Выглядит надёжно.

— По твоей шкале это значит «ещё не развалилось»? — спросила Лисса.

— Лучшей шкалы пока не придумали.

Я открыл карту. Навык принял мост без сопротивления, будто тот всегда был частью шахты. Зелёная линия проложилась до середины и остановилась.

— Не наступать, — сказал я.

— Не поджигать, не пробовать на вкус, — закончил Птах. — Мы помним.

Я достал из сумки моток дешёвой нити и привязал к нему камень. Бросил на первую секцию. Ничего. На вторую. Металл прогнулся, но вернулся на место. Третий бросок вызвал короткую вспышку.

Под мостом ожил синий жёлоб.

Свет прошёл от одного берега к другому и погас. На служебном слое возникла строка, видимая только мне.

СВЯЗЬ В-С: ПОДТВЕРЖДЕНА

СОСТОЯНИЕ: ВРЕМЕННАЯ ПЕРЕМЫЧКА

НАГРУЗКА: 18%

ДОСТУП: ЗАКРЫТ

Сердце ударило быстрее.

Это был не сон и не посмертная галлюцинация. Перемычка существовала одновременно здесь и там. Железоглот появился, когда физические шины начали спорить за питание. Мох обесточился после закрытия затвора. Шахта не просто изображала корабельный отсек.

Она была его понятным переводом.

— Глеб? — позвала Арина.

Я понял, что слишком долго молчу.

— Мост выдержит одного человека. Возможно, двух, если не использовать навыки движения.

— На основании чего?

— На основании нагрузки восемнадцать процентов.

— Где вы её видите?

— В служебном слое.

Бор снял щит со спины.

— И сейчас ты решил об этом сообщить?

— Сейчас это стало проверенным сведением.

Арина не улыбнулась, но печать договора на запястье осталась золотой. Я не нарушил формулировку. Почему-то от этого было не легче.

— Проверим малыми действиями, — сказал я. — Без навыков и без нагрузки. Сначала нить. Потом я. Бор страхует с берега.

— Почему вы? — спросила Арина.

— Потому что мост скопировал мою конструкцию.

— Предположение.

— Верное замечание.

Я закрепил страховочную нить на поясе и шагнул на металл.

Мост отозвался лёгкой вибрацией. Первый шаг — нагрузка двадцать процентов. Второй — двадцать один. Я присел, коснулся переплетения штырём и увидел два синих канала. Один питал арку впереди, другой уходил под воду.

Если изменить их местами, произойдёт что-то реальное. Возможно, откроется клапан. Возможно, остановится насос. Возможно, сотни людей в капсулах снова получают три минуты воздуха.

Я убрал штырь.

Малые действия.

Сначала те, последствия которых можно понять.

На середине моста лежала ржавая скоба. Я сдвинул её на один паз. Синий свет мигнул. Нагрузка упала с двадцати одного процента до девятнадцати.

Вернул скобу — снова двадцать один.

Переставил во второй паз — двадцать.

— Что вы делаете? — спросила Арина.

— Проверяю, реагирует ли слой на физическое положение деталей.

— Реагирует?

— Да.

— Последствия?

— Пока только нагрузка моста.

Я оставил скобу в первом пазу. Два процента запаса не выглядели героизмом, зато выглядели инженерией.

Дошёл до противоположной стороны. Арка раскрылась, пропуская меня. Потом Бор по одному перевёл остальных.

За мостом зал оказался прежним и одновременно совершенно другим. Тумба с бронзовым диском стояла на месте. Осыпь придавила разбитый рельс. Чёрная вода отступила, обнажив каменные ступени. Железоглота не было. Только борозды на полу и несколько пластин, которые Птах немедленно объявил общей добычей.

— Сначала безопасность, — сказала Арина.

— Я безопасно собираю.

— Оставьте.

Он оставил. Сразу стало понятно, кто командует экспедицией, и это был не человек с картой.

Я коснулся бронзового диска. Вчерашняя запись наложилась на текущую. Навык начал сравнивать слои: старые рельсы, новый мост, изменившийся уровень воды, смещение тумбы на четыре пальца.

Полоса развития «Памяти маршрута» заполнилась.

ПАМЯТЬ МАРШРУТА I: 100%

УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ: ЗАФИКСИРОВАТЬ ПОЛНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ЛОКАЦИИ — ВЫПОЛНЕНО

ПОЛУЧЕН НАВЫК: ПАМЯТЬ МАРШРУТА II

Вы можете сравнивать до трёх состояний посещённой геометрии.

Изменения отображаются с указанием последовательности.

Непосещённые области по-прежнему недоступны.

НАГРАДА ЗА ИССЛЕДОВАНИЕ: 2 145 ОПЫТА

ТЕКУЩИЙ ОПЫТ: 8 191 / 9 691

УРОВЕНЬ: 17

Мир расслоился.

Перед глазами возникли три шахты. Первая — та, по которой мы пришли вчера. Вторая — короткая вспышка перед атакой Железоглота. Третья — нынешняя. Я мог двигать их, совмещать и убирать, пока различия не становились очевидными.

Мост возник в тот момент, когда исчезла часть чёрной воды.

Белый мох потерял питание одновременно с закрытием старой арки.

А тумба сдвинулась ещё до моего пробуждения.

— Здесь кто-то был между нашими экспедициями, — сказал я.

Бор поднял щит.

— Следы?

— Геометрия. Тумба стояла на четыре пальца левее сразу после нашей смерти. Теперь вернулась почти на место.

— Почти?

— Ошибка в ширину ногтя.

Птах посмотрел на бронзовый диск.

— Может, пол дышит.

— Тогда он очень старается не сбиться с ритма.

Арина обошла тумбу и присела. На камне виднелась свежая царапина.

— Её двигали инструментом, — сказала она.

— Наблюдение? — спросил я.

— Издевательство.

— В договоре нет запрета.

— Появится.

В глубине зала щёлкнул металл.

Мы замолчали.

Бор встал между звуком и группой. Лисса подняла посох. Птах всё-таки подобрал одну пластину Железоглота и теперь держал её как дополнительный щит.

Из бокового тоннеля вышли трое.

На их плащах были вышиты шесть серебряных монет, сложенных в круг.

Казначей Шести.

Впереди шёл невысокий мужчина в безупречно чёрном камзоле. Над его головой не было боевой метки. Зато договорных печатей хватило бы на небольшую тюрьму.

— Госпожа Велич, — сказал он, словно встретил Арину на приёме, а не в заброшенной шахте. — Рад видеть, что слухи о вашем несчастье преувеличены.

— Марек Тиль. Жаль, что о ваших нельзя сказать того же.

— Слухи — мой основной капитал.

Его взгляд остановился на мне.

— Глеб Раданов. Картограф семнадцатого уровня. Шесть завершённых маршрутов ниже рыночной стоимости, два долговых предупреждения, отсутствие клановой регистрации. И внезапно — полное изменение Нижней Соли.

— Не полное, — сказал я. — В нескольких местах сохранилась грязь.

— Тем ценнее ваша наблюдательность.

Передо мной раскрылось предложение.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАЗНАЧЕЕВ ШЕСТИ

ПЕРЕДАЧА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА КАРТУ НИЖНЕЙ СОЛИ

ЕДИНОВРЕМЕННАЯ ВЫПЛАТА: 4 800 СЕРЕБРА

ДОЛГОВЫЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: АННУЛИРОВАТЬ

СРОК ОТВЕТА: 00:10:00

Сумма была неприличной.

За неё можно было купить редкий набор картографа, закрыть долги и месяц выбирать заказы по интересу, а не по цене ужина. Можно было вложить свободные очки у хорошего наставника. Можно было перестать быть человеком, который считает стоимость каждой смерти.

Арина встала рядом, но не посмотрела на окно.

— Исключительные права включают будущие изменения? — спросила она.

Марек улыбнулся.

— Разумеется.

— Производные маршруты?

— Разумеется.

— Служебные слои?

Улыбка не исчезла. Только стала осторожнее.

— Если таковые существуют.

Я закрыл предложение.

— Нет.

Марек перевёл взгляд на таймер. Оставалось девять минут двадцать секунд.

— Вам не обязательно отвечать сразу.

— Я уже ответил.

— Человек вашего положения редко может позволить себе такую скорость.

— Человек моего положения редко получает удовольствие бесплатно.

Один из сопровождающих Марека положил ладонь на оружие. Бор чуть поднял щит. Лисса вздохнула так, словно заранее выставляла нам счёт за лечение.

Марек поднял палец, и напряжение исчезло.

— Карта всё равно попадёт на рынок, — сказал он. — Вопрос лишь в том, получите ли вы деньги первым.

— Это уже мой риск.

— Теперь — да.

Он поклонился Арине и ушёл тем же тоннелем. Его люди задержались на секунду, рассматривая мост, затем последовали за ним.

— Откуда они пришли? — спросил Бор.

Я открыл карту.

Боковой тоннель заканчивался тупиком в шестидесяти шагах. Ни одного ответвления. Ни одного изменения.

— Не знаю.

— Очень полезный ответ Картографа.

— Могу соврать точнее.

Арина подошла к тумбе.

— Марек не стал бы предлагать почти пять тысяч за обычную карту. Он знает, что здесь изменилось нечто большее.

— Или думает, что знаем мы.

— Поэтому нам нужен постоянный договор. Не один маршрут. Партнёрство.

Передо мной появилось новое окно. Короткое, без суммы и срока.

Совместный доступ к картам. Равное право на найденные сведения. Решения о продаже — только по согласию обоих. Арина брала на себя переговоры, я — проверку маршрутов.

— Полный доступ? — спросил я.

— Полный.

— Включая закрытые слои?

— Особенно их.

— Тогда нет.

Она не закрыла предложение.

— Вы только что отказались от четырёх тысяч восьмисот.

— Поэтому могу позволить себе отказаться ещё раз.

— Деньги вас пугают меньше, чем доверие.

— Деньги хотя бы честно хотят стать моими.

— Я не прошу стать вашей.

Фраза прозвучала спокойно, но между нами что-то сдвинулось. На четыре пальца. Потом вернулось почти на место.

Я снова посмотрел на карту.

Три состояния шахты лежали одно поверх другого. Боковой тупик не менялся. Марек должен был пройти сквозь стену.

И тогда я заметил прямоугольник.

Тонкая серая линия проступала за камнем, на глубине двух шагов. Комната без входа. Её не было ни в первом состоянии, ни во втором. Она появилась только сейчас — после того, как я отказал Казначаем.

— Бор, что за этой стеной?

Он постучал щитом по камню.

— Камень.

— Птах?

— Камень, который можно продать, если внутри редкая соль.

— Лисса?

— Очень нездоровый интерес Картографа к стене.

Я посмотрел на Арину.

— Вы видите контур?

Она подошла вплотную, провела пальцами по поверхности.

— Нет.

На моей карте прямоугольник стал ярче.

Внутри него появилась точка.

Затем ещё одна.

Третья.

Они соединились линиями, похожими на ветви.

НЕУЧТЁННАЯ ГЕОМЕТРИЯ ОБНАРУЖЕНА

КАТЕГОРИЯ: НЕДОСТУПНА

НАБЛЮДАТЕЛИ: 1

Я закрыл карту.

Комната не исчезла.

Просто теперь я видел её прямо сквозь стену.

ГЛАВА 4. НУЛЕВАЯ ВЕТВЬ

Комната за стеной не хотела, чтобы её находили.

Стоило мне отвести взгляд, как прямоугольник бледнел. Если моргнуть дважды — исчезал совсем. Тогда приходилось открывать «Память маршрута II», накладывать три состояния шахты и ждать, пока серый контур проступит заново.

Для остальных стена оставалась стеной.

— Надави здесь, — сказал я Птаху.

— Где?

Я поставил кончик штыря на первую точку.

— Под ним.

Птах упёрся ладонью. Камень не сдвинулся.

— Теперь здесь, — я показал вторую.

— Одновременно?

— Думаю, да.

— У тебя осталось ещё две руки, о которых мы не знаем?

Бор подошёл к третьей точке и прижал её краем щита. Лисса заняла первую. Птах — вторую. Я отступил, чтобы увидеть весь контур.

— Ничего, — сказал Бор.

— Потому что вы давите не в той последовательности.

— Ты сказал одновременно.

— Это было предположение.

Арина сложила руки на груди.

— Удивительно быстро пункт девять начал приносить пользу.

Я попробовал переместить точки на карте. Они сопротивлялись. Каждая была связана с одной из трёх ветвей, уходящих внутрь комнаты. Если смотреть прямо, линии не имели смысла. Если наложить на них форму моста, получалась знакомая схема двух шин и управляющего контакта.

Сначала В. Затем короткая перемычка. Потом С.

— Бор нажимает первым. Лисса — через три секунды. Птах — ещё через одну.

— Почему я последний? — спросил Птах.

— Потому что управляющие контакты всегда страдают последними.

— Это сейчас было оскорбление?

— Наблюдение.

— Хорошо, что у тебя закрытый профиль, — заметила Арина. — Самооценка могла бы получить штраф.

— Моя самооценка без привязки, — сказал Птах. — После смерти возвращается бесплатно.

Бор надавил щитом.

Раз.

Два.

Три.

Лисса утопила ладонь в камень. Точка под ней вспыхнула синим.

Птах коснулся своей.

Мир остановился.

Не образно. Пылинки зависли в воздухе. Пламя на конце посоха Лиссы вытянулось и замерло. Птах остался с приоткрытым ртом, навсегда готовый произнести очередную глупость.

Двигаться мог только я.

Перед стеной возникли три полупрозрачные линии.
На этот раз рядом с ними были числа.

СЛУЖЕБНЫЕ ВЕТВИ

1. ПОВТОРИТЬ: 64% | авария 31%

2. РАЗОМКНУТЬ: 38% | утрата доступа 52%

3. СМЕСТИТЬ КОНТАКТ: 11% | авария 0%

Я перечитал строки.

Это не было игровым выбором. В Латтисе варианты обычно старались выглядеть понятными: принять, отказаться, ударить, отступить. Здесь мне показывали не действия, а результаты. И откуда-то я знал, что вижу только три наиболее вероятных.

Третья ветвь безопаснее остальных, но почти не срабатывает.

Стоило сосредоточиться на одиннадцати процентах, как рядом возникла новая строка.

ПРОТОКОЛ: ОТСЕЧКА

Ветвь: 11% | усиление: +6 п. п.

Цена: Расхождение +2

ПРИНЯТЬ?

Никаких объяснений. Ни справки, ни предупреждения о том, что случится при ста процентах. Только знакомое слово и цена.

Я мог отказаться. Повторить последовательность и получить почти две трети шанса на открытие. Правда, аварийный отклик оставался тридцать один процент, а мне уже хватило одного технического отсека с тремя минутами воздуха.

Шесть дополнительных пунктов не делали третью ветвь надёжной. Семнадцать процентов — всё ещё плохая ставка.

Но ставка была не единственным, что у меня имелось.

Я знал схему.

Сместил на карте точку Птаха в соседний паз. Вероятность открытия выросла до четырнадцати. Поставил Лиссу не напротив Бора, а ниже — шестнадцать. Изменил интервал между второй и третьей точкой с одной секунды до двух — двадцать три.

Протокол продолжал предлагать ещё шесть.

Двадцать девять процентов.

Почти каждый третий исход.

Достаточно, если руки не дрогнут.

Я подтвердил.

Три линии сжались. Первая и вторая потускнели, третья стала синей.

ОТСЕЧКА ВЫПОЛНЕНА

ВЕРОЯТНОСТЬ ВЕТВИ: 23% → 29%

РАСХОЖДЕНИЕ: 0 → 2

Время вернулось.

— ...чем? — закончил Птах.

— На два пальца правее! — крикнул я. — Лисса, ниже! Интервал две секунды!

Они не стали спорить. Возможно, мой голос звучал убедительно. Возможно, всем просто хотелось увидеть, что будет, если послушать Картографа хотя бы один раз вовремя.

Бор надавил.

Лисса сместила ладонь.

Птах отсчитал две секунды и ударил по третьей точке.

Камень ушёл внутрь.

Стена не открылась — она забыла, что была стеной. На миг стала прозрачной, затем рассыпалась на ровные серые кубики. За ней обнаружился узкий коридор, облицованный чёрным металлом и бронзой.

Никакого аварийного отклика.

— Что вы сделали? — спросила Арина.

— Изменил последовательность.

— До того, как изменили её вслух.

Печать договора на её запястье мигнула жёлтым. Не нарушение. Предупреждение.

— Я увидел варианты, — сказал я. — Три исхода с вероятностями.

— И выбрали один?

— Усилил.

— Чем?

— Расхождением.

Жёлтая печать вернулась к золотому.

Арина посмотрела в коридор.

— Теперь это проверенное сведение.

— Да.

— И вы сообщили его после применения.

— Тоже да.

— Мы вернёмся к этому разговору.

— Формулировка звучит угрожающе.

— Это потому, что вы пока не видели приложения.

Она прошла первой. Я поймал себя на том, что смотрю ей вслед дольше, чем требовала оценка безопасности коридора, и тут же нашёл профессиональное оправдание: плащ действительно мог зацепиться за скрытый контакт. Плащ не зацепился. Оправдание тоже.

— Если коридор не убьёт нас первым.

— Не надейтесь.

✱

Внутри пахло сухим камнем и озоном.

Коридор спускался под шахту, хотя карта показывала ровный уровень. Каждый шаг переносил нас глубже, но высота относительно зала не менялась. «Память маршрута» пыталась построить линию, путалась и складывала её в спираль толщиной с волос.

На стенах висели бронзовые плиты. Издалека они походили на храмовые барельефы: солнца, волны, переплетённые корни. Вблизи изображения распадались на схемы. Солнце становилось реактором. Волны — насосами. Корни — линиями подачи.

— Кто это построил? — спросила Лисса.

— Мастера Нижней Соли, — сказал Птах.

— Они добывали камень деревянными кирками.

— Значит, очень талантливые мастера.

Бор коснулся щитом ближайшей плиты.

— Не нравится мне место, где Клинок пытается быть оптимистом.

В конце коридора находился круглый зал. В центре стояла колонна, похожая на сложенные друг на друга каменные кольца. Вокруг неё — пять низких платформ. Над каждой светился знак роли: удержание, разрыв, восстановление, импульс и конструкция.

Пять ролей.

Нас было пятеро, но подходящих — четыре. Арина не показывала боевой профиль, а мой тег конструкции существовал только на картографических штырях и ловушках.

— Не входить, — сказал я.

В этот момент Птах вошёл.

— Я не успел остановиться.

— Ты стоял.

— Внутренне.

Кольца колонны начали вращаться.

С потолка сыпалась белая пыль. Платформы вспыхнули, и над залом развернулась сетка синих линий. Они прошли сквозь нас, проверяя снаряжение, навыки, роли.

На Арине задержались дольше всего.

СМОТРИТЕЛЬ КОНТУРА

УРОВЕНЬ: 22

РЕЖИМ: ПРОВЕРКА ДОСТУПА

ГРУППА: ПРОТИВОРЕЧИВАЯ

Кольца разошлись.

Из колонны поднялась фигура без лица. Четыре руки, каменная мантия, гладкий металлический шлем. Вместо глаз — горизонтальная синяя полоса.

— Назад! — Бор встал в проходе.

Дверь исчезла.

Смотритель поднял первую руку.

Мир снова остановился.

ВЕТВИ ПРОГНОЗА

1. УДЕРЖАНИЕ: 34% | потери 2

2. РАЗРУШЕНИЕ: 47% | потери 1 | вред узлу

3. КОНТУРНЫЙ ВОЗВРАТ: 0% | потери 0

Ноль.

Та самая ветвь, где все оставались живы, не существовала.

Я сосредоточился на ней.

ОТСЕЧКА НЕДОСТУПНА

Нулевой шанс нельзя усилить.

Система не создавала невозможное.

Я попробовал выбрать третью ветвь без усиления. Интерфейс не отреагировал. Ноль не был запретом красного цвета или дорогой ценой. Строка существовала только как описание исхода, которому не соответствовало ни одного действия.

Это раздражало сильнее отказа.

В обычной игре нулевая вероятность означала условие: нужен ключ, уровень, предмет или правильный ответ. Здесь система показывала смерть как математический факт. Двое погибли при удержании, один при разрушении, никто при варианте, которого нет.

Я проверил, кого она считает потерями.

В первой ветви исчезали Лисса и Птах. Во второй — Бор. Арина оставалась жива во всех рассчитанных исходах. Моё имя не появлялось в списке вообще.

— Почему меня нет? — спросил я остановившийся мир.

Служебный слой не ответил.

Возможно, прогноз считал меня частью механизма. Возможно, не мог определить состояние после очередного физического провала. Или система уже решила, что потеря оператора не является потерей пассажира.

Я открыл карты предыдущих минут. До входа Птаха в зал существовала ветвь, где мы уходили. Вероятность была высокой, пока дверь не исчезла. Значит, ноль возник не потому, что Смотритель непобедим. Наша текущая расстановка сделала контурный возврат невозможным.

Если переставить людей, появится действие.

Я начал с очевидного: Бор закрывает всех щитом, Лисса удерживает лечение, Птах бьёт Смотрителя, Арина пытается открыть дверь. Потери менялись местами. Ноль оставался.

Поменял Бора и Птаха. Потери выросли.

Поставил себя перед колонной. Прогноз перестал считать две ветви, но третья не появилась.

Система позволяла бесконечно перебирать плохие решения и ни разу не подсказывала, чего в них не хватает. Тогда я перестал смотреть на людей как на фигуры в готовых ролях.

Пять платформ были не местами для пяти бойцов.

Это была схема взаимодействия.

Значит, невозможное придётся сначала сделать возможным.

Я изучил неподвижный зал. Пять платформ. Пять ролей. Смотритель поднимал руку к символу импульса. Над Бором уже формировался щитовой контур, но он стоял в проходе, а не на платформе удержания. Лисса была слишком далеко от восстановления. Птах — ближе к разрыву, чем к выходу.

Арина находилась рядом с платформой импульса.

— Ваш скрытый профиль — Ткач? — спросил я.

Она не могла ответить в остановленном времени.

Но сетка задержалась на ней именно там.

Я мысленно переставил метки группы. Бор — удержание. Птах — разрыв. Лисса — восстановление. Я — конструкция. Арина — импульс.

Вероятность третьей ветви осталась нулевой.

Не хватало связи между платформами.

В полу шли узкие каналы. Четыре соединяли роли с колонной. Пятый, от конструкции к импульсу, был разорван. Между концами лежала бронзовая пластина длиной с ладонь.

Я должен был поставить её на место.

Сделал шаг в прогнозе. Пластина — справа от Смотрителя. Если идти по краю, шанс добраться составлял шестьдесят один процент. Если под колонной — сорок восемь. На карте край выглядел безопаснее.

Я выбрал край.

Время вернулось.

— По платформам! — крикнул я. — Бор — щит! Птах — слева! Лисса к зелёному знаку! Арина, синий!

Смотритель опустил руку.

Удар пришёл не спереди, а снизу.

Каменная волна прошла по полу. Бор успел закрыть Лиссу. Птах перепрыгнул. Арина шагнула на платформу, и вокруг неё развернулся круг воздуха.

Я бежал по краю.

Карта показывала цель. Не показывала, что край перестал существовать.

Плита под ногой перевернулась. Я провалился по пояс, ударился локтем и увидел под собой не пол, а шахту без дна. Внизу двигались синие огни — медленно, как далёкие звёзды.

Смотритель повернул ко мне шлем.

— Глеб! — крикнула Арина.

Я попытался подтянуться. Камень раскрошился под пальцами.

Из синего круга вылетела тонкая серебряная лента. Обвилась вокруг запястья и дёрнула в сторону. Я ударился грудью о край, но не упал.

Арина держала другой конец. Над её рукой горел тег «импульс».

— Пластина! — прохрипел я.

— Сначала вы!

— Если отпустите платформу, удар повторится!

— Тогда не заставляйте меня выбирать!

Она зафиксировала ленту договорной печатью. Золотая строка натянулась между нами, удерживая вес без её участия.

Новый тег вспыхнул над разорванным каналом.

ИМПУЛЬС.

КОНСТРУКЦИЯ.

Связь появилась.

На долю секунды прогнозные линии вернулись.

КОНТУРНЫЙ ВОЗВРАТ

Успех: 4% | потери: 0

Отсечка: +6 п. п. | цена: Расхождение +4

Четыре процента.

Уже не ноль.

Я подтвердил.

ОТСЕЧКА ВЫПОЛНЕНА

ВЕРОЯТНОСТЬ ВЕТВИ: 4% → 10%

РАСХОЖДЕНИЕ: 2 → 6

Десять процентов не были обещанием.

Только разрешением попытаться.

Я подтянулся на ленте, перекатился на целую плиту и схватил бронзовую перемычку. Смотритель поднял вторую руку.

— Бор, три шага вправо! Не блокируй луч — веди его!

Оплот сместился на платформе. Синий луч ударил в щит под углом, скользнул по кромке и ушёл к Птаху.

— Разрыв по моей отметке!

— У тебя нет отметки!

— Тогда по пластине у меня в руке!

Птах ударил. Не меня — к счастью, — а край перемычки. Лезвие выбило ржавчину и открыло чистый контакт.

— Лисса, восстановление в канал!

— Я лечу людей!

— Сегодня пол тоже человек!

Она произнесла слово навыка. Зелёная нить легла в трещину и на миг скрепила камень. Я вставил перемычку.

Четыре платформы вспыхнули одновременно. Пятая, под Ариной, молчала.

— Импульс! — крикнул я.

— Перезарядка три секунды!

Смотритель уже поднял все четыре руки.

Бор держал луч. Птах упирался клинками в канал. Лисса заливала ресурс в пол. Перемычка под моими пальцами нагревалась.

Три секунды.

Система предлагала фронтальную ветвь. Два погибших. Затем разрушение колонны. Один погибший.

Третья ветвь продолжала светиться тонкой синей линией.

Десять процентов.

Две секунды.

Одна.

Арина ударила ладонью в символ.

Импульс прошёл по восстановленному каналу, вошёл в перемычку и разделился. Бор направил первую часть щитом. Птах перерубил защитный слой. Лисса удержала треснувшие плиты. Я замкнул контур на колонну.

Энергия Смотрителя вернулась к нему самому.

Синяя полоса на шлеме погасла.

Конструкт застыл, не успев опустить руки. Каменная мантия покрылась сетью светлых линий, но не разрушилась. Кольца колонны замедлились и встали.

ПРОВЕРКА ДОСТУПА ЗАВЕРШЕНА

Смотритель: ожидание | повреждение узла: 0%

Цепочка пяти ролей: 12%

Несколько секунд никто не двигался.

Потом Птах сел прямо на платформу.

— Я хочу официально заявить, что это был дорогой рейд.

Бор опустил щит.

— Ты даже не умер.

— Поэтому пока могу выставить счёт.

Лисса подошла ко мне, посмотрела на содранные ладони и всё-таки потратила лечение бесплатно.

Арина сняла золотую ленту с моего запястья.

— Вы видели, что край обрушится? — спросила она.

— Нет.

— Варианты показывали?

— Путь выглядел безопаснее.

— И вы снова приняли решение, не сообщив.

— Времени не было.

— Было достаточно, чтобы отправить всех по платформам и одному побежать в яму.

— Она не отображалась.

— Вы Картограф, который не видит карту. Возможно, пора перестать считать это личной проблемой.

Я хотел ответить, но посмотрел на золотой след у себя на запястье.

— Вы меня вытащили.

— Наблюдение.

— По договору не были обязаны.

— Ещё одно.

— Спасибо.

Она отвела взгляд первой.

— Не превращайте это в привычку.

Система выдала награду.

ДОСТИЖЕНИЕ: ИЗМЕНИТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

Награда: 1 240 опыта | опыт: 9 431 / 9 691

Уровень 17 | Отсечка I | Понимание 1 | Расхождение 6

Я прочитал описание «Отсечки». Оно сообщало меньше, чем я уже понял: три ветви, усиление вероятного исхода, невозможность создать шанс из нуля. Формула цены оставалась закрыта.

Внизу появилась ещё одна строка.

НЕВЕРИФИЦИРУЕМЫЙ ВЫБОР ЗАРЕГИСТРИРОВАН.

НАБЛЮДЕНИЕ АКТИВИРОВАНО.

Синяя полоса на шлеме Смотрителя зажглась снова.

На этот раз она смотрела только на меня.

ГЛАВА 5. ДОЛГ ПОБЕДЫ

Смотритель не напал.

Он просто следил, пока мы выходили из зала. Синяя полоса поворачивалась вслед за мной, игнорируя Бора, который на всякий случай шёл последним со щитом.

У двери я обернулся.

— Наблюдение кем? — спросил я.

Конструкт не ответил.

Зато служебный слой открылся сам.

НАБЛЮДЕНИЕ: ФОНОВОЕ

РАСХОЖДЕНИЕ: 6

ПОРОГ РЕАКЦИИ: НЕ ДОСТИГНУТ

Первая строка успокаивала. Вторая напоминала, что успокаиваться рано. Третья звучала как обещание системы вернуться к вопросу, когда я стану достаточно неудобным.

Арина ждала в коридоре.

— Разговариваете с ним?

— Пытаюсь.

— И как успехи?

— Он слушает лучше некоторых заказчиков.

— Но платит хуже.

— Поэтому вы всё ещё нужны.

Она посмотрела на меня так, будто выбирала между ответом и новой формулировкой договора.

— Сначала выберемся, — сказала Арина. — Потом обсудим, что именно вы видите и почему узнаём об этом последними.

— Птах обычно узнаёт позже.

— Неправда, — отозвался он впереди. — О долгах я узнаю первым.

Пять платформ погасли. Стена за нами снова стала камнем. На моей карте комната осталась — серый прямоугольник, единственным наблюдателем которого значился я.

Теперь внутри светилась ещё одна метка.

Смотритель.

Я закрыл карту и пошёл к мосту.

✱

Крик мы слышали раньше, чем увидели людей.

Он пришёл из зала с рельсами, короткий и высокий. Так кричат не от боли, а в момент, когда понимают: сейчас будет больно.

Бор сорвался с места первым.

— Стой! — крикнул я.

Оплот не остановился, но замедлился. Для Бора это считалось послушанием.

Синий свет под мостом пульсировал слишком быстро. Нагрузка прыгала: тридцать два процента, сорок, двадцать семь, пятьдесят один.

Кто-то был на другой стороне.

Мы выбежали из арки.

На рельсах сражалась группа новичков. Четверо — уровни от девятого до двенадцатого. Дешёвые кожаные доспехи, кирки вместо нормального оружия, один лекар с посохом, собранным из рукояти лопаты и зелёного кристалла.

Пятый лежал у воды. Над ним мигал знак критического состояния.
Против них был Железоглот.

Вчера мы оставили его с половиной здоровья и прижатым хвостом. Сейчас хвоста стало два. На месте выбитого зуба вырос бронзовый резец. По сланцевым пластинам шли синие линии, повторяя схему восстановленного контура.

ИЗМЕНЁННЫЙ ЖЕЛЕЗОГЛОТ

УРОВЕНЬ: 23

КАТЕГОРИЯ: ЭЛИТНЫЙ КОНСТРУКТ

МОДИФИКАЦИЯ: КОНТУРНЫЙ ОТКЛИК

ЗДОРОВЬЕ: 58%

— Это ваша группа? — спросила Арина у ближайшего новичка.

Девушка с киркой отступила, едва удержавшись на ногах.

— Мы купили маршрут. Здесь должно быть чисто!

— У кого купили?

— На рынке. Печать Казначеев.

Марек оказался прав: карта попала на рынок.

Быстрее нас.

Железоглот ударил лапой. Бор закрыл девушку щитом. Урон прогнул его почти до колена.

— Отводите людей к мосту! — крикнул я.

— Он не выдержит бой, — сказал Бор.

— Поэтому драться на нём не будем.

— А где будем?

— Пока не знаю.

— Обнадёжил.

Лисса добралась до лежащего игрока. Зелёная нить вошла в его грудь, но сразу посерела.

— Ржавый разрыв! Нужны десять секунд без нового урона!

— У него нет десяти, — сказала Арина.

Новичок дёрнулся. Полоса здоровья опустилась до трёх процентов.

Я открыл прогноз.

Мир замер.

ВЕТВИ ПРОГНОЗА

1. ОТСТУПЛЕНИЕ ОСНОВНОЙ ГРУППЫ

Выживание группы: 96% | Выживание пострадавших: 0%

2. ФРОНТАЛЬНЫЙ БОЙ

Победа: 39% | Потери: 1–3

3. СБРОС НАГРУЗКИ

Победа: 18% | Потери: 0

Повреждение маршрута: значительное

Третья ветвь проходила через мост.

Я приблизил её. Железоглот на металле. Нагрузка выше ста процентов. Разрыв временной перемычки. Конструкт падает в чёрную воду, маршрут уничтожен.

Мы только что отказались продать эту карту за четыре тысячи восьмьсот серебра.

Теперь система предлагала сломать её бесплатно.

Время ещё стояло. Я мог выбрать первую ветвь. Забрать своих, оставить новичков, сохранить мост и тайну комнаты. Вероятность выживания — девяносто шесть процентов. Почти разумно.

Почти.

На физической «Семирамиде» меня спасал не рейтинг и не хороший договор. Сотни капсул получили воздух, потому что кто-то оказался рядом с обгоревшим блоком и не ушёл от чужой проблемы.

Система считала людей строками.

Я не обязан был помогать ей.

Сосредоточился на третьей ветви.

ОТСЕЧКА I

ПОНИМАНИЕ: 1

БОНУС ВЕРОЯТНОСТИ: +6,35 П. П.

ЦЕНА ТРЕТЬЕГО ПРИМЕНЕНИЯ ЗА СУТКИ: РАСХОЖДЕНИЕ +7

ПОДТВЕРДИТЬ?

Шесть целых тридцать пять сотых.

Система впервые показала точное значение. Не формулу, но достаточно, чтобы понять: способность росла не от уровня и не от боевой характеристики.

Восемнадцать процентов превратились бы в двадцать четыре целых тридцать пять сотых. Всё ещё меньше четверти.

Я начал двигать людей на прогнозе.

Бор — у начала моста, не на нём. Птах — справа, рядом с ослабленным суставом. Лисса не лечит всех, удерживает одного пострадавшего. Арина ведёт новичков, не давая им разбежаться.

Двадцать один процент.

Новички не атакуют. Двое тянут раненого, третий ставит кирку поперёк рельса, четвёртая отдаёт лекарю ресурсный кристалл.

Двадцать семь.

Я переставил скобу на мосту в первый паз, где нагрузка снижалась на два процента. Вероятность упала до двадцати пяти: мост выдерживал дольше и Железоглот успевал отступить.

Вернул скобу во второй паз — нагрузка выше, шанс тридцать один.

Подтвердил «Отсечку».

ОТСЕЧКА ВЫПОЛНЕНА

ВЕРОЯТНОСТЬ ВЕТВИ: 31% → 37,35%

РАСХОЖДЕНИЕ: 6 → 13

Немногим больше трети.

Не победа. Только маршрут к ней.

Время вернулось.

— Бор, к мосту! Держи его перед первой секцией! Птах — правый нижний сустав! Лисса, только раненый! Арина, соберите новичков в две связки!

— Почему мост? — крикнул Бор.

— Потому что он дорогой!

— Убедил!

Оплот ударил щитом по морде Железоглота и отступил к арке. Конструкт пошёл за ним. Новички метнулись в разные стороны.

Арина подняла руку.

— Стоять!

Одно слово ударило сильнее боевого навыка. Над каждым новичком вспыхнула золотая рамка.

КОМАНДНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Цель: эвакуировать раненого через мост.

Награда: доля подтверждённого вклада.

Штраф за нарушение: потеря награды.

Не контроль разума. Просто понятная цель, высказанная человеком, которому поверили.

Двое подхватили раненого. Девушка с киркой встала впереди. Низкоуровневый лекарь отдал Лиссе зелёный кристалл, и её нить снова стала яркой.

Железоглот ударил хвостами.

Бор принял первый на щит. Второй прошёл сверху. Птах прыгнул, вонзил оба клинка в сустав и повис на них всем весом.

Тег «разрыв» вспыхнул над пластинами.

— Сейчас! — крикнул я девушке.

Она не знала, что именно делать, но ударила киркой туда же.

Урон был смешным. Зато появился второй тег — «удар».

Цепочка дала три процента.

Железоглот подогнул лапу. Бор отступил ещё на два шага. Передние пластины конструкта оказались над мостом.

Нагрузка подскочила до шестидесяти восьми процентов.

— Не толпиться! По двое! — Арина направляла новичков.

Раненого понесли через мост. Металл прогнулся. Нагрузка — семьдесят четыре.

Лисса шла рядом и удерживала лечение.

— Ещё шесть секунд! — крикнула она.

Железоглот рванулся за ними.

Бор ударил щитом сбоку, разворачивая конструкт вдоль переплетения. Нагрузка — восемьдесят девять.

— Глеб! — рывкнул он. — Он сейчас уронит нас вместе с собой!

Я стоял у второй опоры и смотрел на скобу.

В первом пазу она снижала нагрузку. Во втором — повышала. Если выдернуть совсем, временная перемычка разомкнётся.

Но раньше, чем люди окажутся на берегу.

Лисса считала секунды.

— Три!

Первую пару новичков Арина вытолкнула на камень.

— Две!

Птах отпустил клинки и перекатился под хвостом. Бор продолжал удерживать голову Железоглота над центром.

— Одна!

Раненый пересёк последнюю секцию. Серый знак «ржавого разрыва» погас. Его здоровье прыгнуло с двух процентов до девятнадцати.

— Все! — крикнула Арина.

Я выдернул скобу.

Мост сложился не сразу.

Сначала погас синий свет. Потом две металлические полосы разошлись, как распушенная коса. Железоглот попытался отступить, но Бор ударил щитом снизу. Птах добавил разрыв по повреждённой лапе.

Конструкт потерял опору.

На миг завис над чёрной водой. Синие линии на его теле вспыхнули, перегружая контур.

Потом он упал.

Вода приняла его без всплеска. Только поверхность стала светлой, будто под ней открыли огромное холодное око.

Полоска здоровья Железоглота исчезла.

Мост рухнул следом.

На нашей стороне остались Бор и Птах.

— Я знал, что план дешёвый, — сказал Птах. — Но не думал, что он включает отмену дороги.

С другого берега Арина подошла к обрыву.

— Никто не погиб?

Лисса проверила метки.

— Все живы.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга через чёрную воду.

Тридцать семь целых тридцать пять сотых процента.

Система не обещала успех. Мы сделали остальное сами.

Девушка с киркой опустилась рядом с раненым. Её звали Сая. Лекаря — Мих. Тот, кого они несли, оказался её младшим братом Олли. Они пришли в Нижнюю Соль за кристаллами для оплаты гильдейского допуска и купили маршрут, потому что печать Казначеев обещала проверенную безопасность.

— Мы видели отметку о мосте, — сказала Сая. — Там было написано «временный, нагрузка до пяти человек».

— Вчера так и было, — ответил я.

— Тогда почему тварь изменилась?

Я посмотрел на свет под водой. Контур восстановил Железоглота из того же ресурса, которым мы открыли скрытый зал. Наш успех изменил локацию. Казначей продали старую безопасность как новую.

— Потому что мы запустили механизм и не успели проверить последствия.

— Значит, это ваша ошибка?

Бор повернулся ко мне. Птах перестал искать, что можно снять с обломков. Арина молчала на другом берегу.

Я мог объяснить, что карту перепродали без разрешения. Что изменённый конструкт появился после восстановления. Что группа новичков сама вошла в опасную шахту. Всё было правдой и всё уменьшало мою долю вины.

— Частично, — сказал я. — Изменение началось после нашего действия. Мы не сообщали о нём, потому что не знали. Теперь сообщим.

— А мост?

— Восстановим, если он ещё нужен. Сначала закроем маршрут.

Сая посмотрела на брата. Его здоровье росло.

— Мы заплатили за вход почти всё.

— Сохраните договор. Потребуем возврат у продавца.

— Казначей не возвращают.

— Тогда впервые попробуют.

Она не поблагодарила. И правильно. Спасение не отменяло вопроса, почему спасать пришлось.

Над залом развернулось окно награды.

СОБЫТИЕ: СПАСЕНИЕ ГРУППЫ НИЖНЕЙ СОЛИ

Сложность 1,4 | вклад 1,2 | награда 3 464 опыта

УРОВЕНЬ 18 | опыт 3 204 / 10 589

Свободные очки +4 | резерв 16

За уровнем пришёл навык.

ПОЛУЧЕН НАВЫК: МЕТКА СЛАБОГО УЗЛА I

Групповое окно: +8% по одному уязвимому узлу

Длительность: 6 секунд | перезарядка: 45 секунд

Я закрыл сообщение.

— Как вы переберётесь? — спросила Арина.

— Правый тоннель к подъёмнику, — ответил я. — Если карта не врёт.

— В последнее время это серьёзное условие.

Новички окружили её и Лиссу. Раненый уже сидел, держась за грудь. Девушка с киркой смотрела на меня через пропасть.

— Раданов! — крикнула она. — Мы запишем вашу долю!

— Сначала запишите, у кого купили маршрут!

— Печать была подлинная!

Я не сомневался.

Казначей продали карту сразу после того, как предложили купить её у меня. Либо имели старую копию, либо получили запись из журнала группы. В любом случае теперь они могли объявить, что опасность возникла из-за моих изменений.

Победа уже превращалась в долг.

К вечеру запись боя посмотрели сто восемьдесят тысяч раз.

Оказалось, Арина активировала «Свидетельство» в момент появления Железоглота. Навык Глашатая фиксировал события без монтажных склеек и подтверждал договорные метки участников. Подделать такую запись было почти невозможно.

Комментаторы всё равно старались.

Одни решили, что я заранее знал об изменённом боссе и устроил спасение ради репутации. Другие объявили разрушение моста атакой на торговые маршруты Казначеев. Третьи требовали немедленно раскрыть мой закрытый боевой класс, которого у меня не было.

Самым популярным стал фрагмент, где я кричал Бору, что мост дорогой.

Его уже наложили на музыку.

Мы собрались в той же комнате нотариуса. Бор стоял у окна. Птах пытался продать ему пластину Железоглота. Лисса составляла счёт за лечение новичков, хотя половину ресурса дал их собственный кристалл.

Арина просматривала предложения.

— Пять кланов приглашают вас на собеседование, — сказала она. — Два хотят купить карту. Один требует компенсацию за разрушенный маршрут. Ещё один предлагает брак.

— В каком порядке вы это перечислили?

— По убыванию выгоды.

— Брак последний?

— Там плохой налоговый режим.

— Вы изучили предложение подробно.

— Профессиональный интерес.

— Конечно. Я тоже всегда проверяю брачные коэффициенты ради картографии.

— У вас нет подходящей характеристики, Раданов.

— Зато двенадцать свободных очков. Можно вложить в обаяние.

— Не рискуйте всем резервом сразу.

Перед нами открылось новое окно.

Оно отличалось от остальных. Белый фон, золотая рамка, знак парящей крепости в верхнем углу.

Первый круг.

Из света сложился высокий мужчина лет сорока. Тёмные волосы, светлый плащ без единого пятна, спокойное лицо человека, которому никогда не приходилось повышать голос, потому что рядом всегда находился тот, кто сделает это за него.

Константин Верес.

Его имя знали даже те, кто не следил за рейтингами. Глашатай Первого круга. Человек, превративший три клановые войны в одну торговую систему. В одних историях он спас Венец. В других — купил его дешевле, чем стоила армия.

— Господин Раданов, — сказал Верес. — Госпожа Велич. Поздравляю с достойной победой.

— Это был спасательный бой, — ответил Бор.

Верес посмотрел на него.

— Именно поэтому достойной.

Он знал, кому дать первое уважение.

Затем снова повернулся ко мне.

— Вы разрушили маршрут, но сохранили людей. Редкий выбор для Картографа.

— Плохая карта восстанавливается легче плохого человека.

— Согласен. Поэтому Первый круг готов восстановить мост, компенсировать штрафы вашей группы и предоставить вам редкую классовую ветвь.

Передо мной возник договор. Не предложение — почти готовая жизнь.

Место в экспедиционном корпусе. Снаряжение. Наставник. Закрытие долгов. Право на карту Нижней Соли за Первым кругом. Обязательство передавать сведения обо всех изменениях локации.

— Ваша специализация недооценена, — продолжил Верес. — Мир привык измерять пользу прямым уроном. Это ошибка. Порядок строится на тех, кто видит путь раньше остальных.

— А если путь ведёт не туда, куда нужно Первому кругу?

— Тогда мы обсуждаем цену изменения маршрута.

Он улыбнулся.

В отличие от Марека, Верес не пытался скрыть, что покупает не карту. Он покупал право решать, какие пути считать правильными.

— Нет, — сказал я.

— Вы ещё не прочитали условия.

— У меня сегодня хороший день для быстрых ответов.

Верес не обиделся.

— Тогда, возможно, дело в действующем договоре.

Окно сместилось к Арине.

— Госпожа Велич, Первый круг выкупит ваши права на совместную карту за шесть тысяч серебра. Все обязательства перед господином Радановым будут исполнены нами. Вы получите рекомендательное место в дипломатической службе Венца.

Шесть тысяч.

За отказ от партнёрства, которого мы так и не заключили.

Арина прочитала договор до конца. Не торопясь. Верес ждал. Птах перестал торговаться. Даже Бор отвернулся от окна.

— Нет, — сказала она.

— Могу узнать причину?

— Вы предлагаете мне продать право на чужие решения.

— Я предлагаю передать договор профессиональной организации.

— Теми же словами работоторговцы называют смену владельца.

В комнате стало тихо.

Верес не изменился в лице.

— Сильное сравнение.

— Поэтому бесплатное.

— Вы отказываетесь от места в Венце ради Картографа семнадцатого уровня.

— Восемнадцатого, — сказал Птах. — У нас свежие данные.

Арина не посмотрела на него.

— Я отказываюсь от сделки, — сказала она. — Не приписывайте себе право определять, ради кого.

Белое окно погасло.

Перед исчезновением Верес задержал взгляд на мне.

— У любого маршрута есть владелец, господин Раданов. Если вы не выберете его сами, это сделает рынок.

Связь оборвалась.

Птах выдохнул.

— Шесть тысяч.

— Я слышала, — сказала Арина.

— Просто проверяю, не оглох ли от суммы.

Бор усмехнулся.

Я дождался, пока остальные занялись своими окнами, и подошёл к Арине.

— Почему отказались?

— Я уже ответила.

— Вересу. Не мне.

— Он покупал контроль.

— А вы не любите конкурентов?

Она медленно закрыла последнее предложение.

— Если хотите обесценить мой выбор, делайте это без моего участия.

— Я не...

— Сделали. Только что.

Арина направилась к двери.

— Партнёрство всё ещё предлагаете? — спросил я.

Она остановилась.

— Полный доступ к проверенным данным. Равное решение о продаже. Право остановить экспедицию, если вы снова увидите ветви и решите геройствовать молча.

— Последний пункт сформулируем точнее.

— Разумеется.

— Тогда предлагаю завтра.

— Сегодня вы уже трижды меняли вероятность. Сначала переживите последствия.

— Это забота или дополнительное условие?

— Не льстите себе. Пока только контроль качества.

Она ушла, но сделала это на полшага медленнее обычного. Возможно, ждала ответа. Возможно, у меня уже начались последствия.

Она вышла.

Служебный слой мигнул.

Я ожидал увидеть Расхождение. Вместо этого открылось публичное уведомление рынка.

КОНТРАКТ НАБЛЮДЕНИЯ № 7-441-К

ОБЪЕКТ: ГЛЕБ РАДАНОВ

50 серебра: подтверждённое местоположение

100 серебра: запись неизвестного навыка

Заказчик скрыт | срок бессрочный

На моё имя впервые назначили цену.

Проблема была не в том, что она оказалась низкой.

Проблема была в слове «бессрочно».

ГЛАВА 6. ЛЮДИ ВТОРОГО СПИСКА

К утру контракт наблюдения подорожал до ста двадцати серебра за моё местоположение. Это было лестно. Накануне я стоил пятьдесят.

Менее лестно выглядели трое игроков у выхода из зала возвращения. Один торговал пирогами, не имея навыка повара. Второй двенадцать минут чинил одну пряжку на сапоге. Третья читала объявление вверх ногами. Все трое старались не смотреть на меня одновременно.

— Поклонники? — спросила Арина.

— Слишком дисциплинированные.

— Тогда поклонники Вереса.

Она взяла меня под локоть и повела не к центральной улице, а в проход между лавками. Золотая печать нашего вчерашнего договора отозвалась теплом. Со стороны жест мог показаться дружеским. На деле Арина закрывала моё запястье своим рукавом, чтобы наблюдатели не увидели, какое соглашение активно.

— Куда мы идём?

— Нанимать людей.

— У нас уже были люди.

— Бор вернулся в караванную охрану. Лисса подняла цену после записи боя. Птах согласен идти бесплатно, если получит исключительные права на шутки о разрушенном мосте.

— Значит, Птах стал самым дорогим.

— Я отказала всем троим.

Мы свернули под арку. За спиной продавец пирогов внезапно вспомнил, что торговля требует покупателей, и остался на площади.

— Вы отказали моей группе без меня?

— Срок их разового найма истёк. А вы вчера предложили партнёрство.

— Предложил обсудить партнёрство.

— Обсуждение началось.

Она передала мне тонкую пластинку. На ней светились четыре имени, перечёркнутые серыми рейтинговыми отметками.

Первой значилась Майя Орлова, алхимик-архитектор двадцать первого уровня. Ниже шли три закрытых рейда и пометка: «избыточная подготовка».

Вторым — Тариэль Войт, Связующий двадцатого. Репутация лечения высокая, боевой вклад низкий.

Третьим — Савва Берест, Оплот двадцать четвёртого. Рейтинг падал шесть сезонов подряд.

Четвёртой строки не было. Вместо имени стоял знак NPC и подпись: «Брат Дым. Архивист. Собственность отсутствует».

— Это худший список кандидатов, который я видел, — сказал я.

— Нет. Худший лежит у Казначеев. Там люди с долгами, которые уже нельзя продать.

— А этот?

— Второй.

Так у нас появилось название раньше, чем команда.

✱

Майя ждала в мастерской на улице Медников.

Мастерская ей не принадлежала. Это выяснялось по каждой вещи: хозяин брал плату за верстак, жаровню, воду и право не выгонять арендатора до полудня. Майя занимала меньше места, чем её инструменты. Невысокая, с коротко собранными тёмными волосами и прозрачными защитными пластинами на глазах, она держала над чашей серебряную сетку.

Вода под ней была бурой. После первой капли реагента стала синей. После второй — прозрачной.

— Пить нельзя, — сказала Майя, не поднимая головы.

Я уже протянул руку к чаше.

— Я хотел понюхать.

— Нюхать тоже нельзя.

— Хороший фильтр.

— Фильтр хороший. Вода плохая.

На другой стороне стола сидел широкоплечий мужчина в простой кольчуге. Щит стоял рядом, прислонённый к стене. Не украшение, не рейтинговая модель — прямоугольная рабочая плита с заменёнными ремнями и тремя слоями ремонта.

Савва Берест.

— Вы опоздали на четыре минуты, — сказал он.

— За нами следили.

— Значит, нужно было выйти раньше.

Арина села напротив Майи.

— Господин Берест, вас приглашали как кандидата в защитники, а не как хранителя времени.

— Защитник начинается со времени. Если человек не пришёл к началу, потом он не успевает поднять щит.

— Если человек поднимает щит до разведки, — сказал я, — он закрывает обзор.

Савва посмотрел на меня. Не зло. Оценивающе, как на дверь, которую, возможно, придётся выбить.

— Командовать будете вы?

— Маршрутом — да.

— Боем?

— Тот, у кого есть точные данные.

— То есть вы.

— Если данные у Майи, командует Майя.

Она на секунду замерла над чашей.

Савва заметил это раньше меня.

— Майя не командует боем, — сказал он. — Она готовит решения.

— Состав реагента тоже определяешь ты? — спросила Майя.

— Нет.

— Тогда уже прогресс.

Она сняла защитные пластины. Серые глаза казались усталыми, но руки не дрожали.

— Почему мы? — спросила она у Арины. — После записи из Нижней Соли вы можете набрать ударников с рейтингом выше нашего в три раза.

— Ударники не замыкают контуры, — ответил я.

— А я замыкаю?

— Ваш фильтр использует три процесса. Конструкция удерживает сетку. Реагент разрывает примеси. Тепло запускает импульс. Система считает только последний нанесённый эффект, поэтому ваш рейтинг видит треть работы.

Майя медленно улыбнулась.

— Вторую треть.

— Что?

— Вы забыли стабилизацию раствора после реакции. Четыре процесса.

— Значит, рейтинг видит четверть.

— Теперь мне нравится ваш Картограф, — сказала она Арине.

— Он не мой.

— Это поправимо, — заметил Савва.

Арина даже не повернула голову.

— Господин Берест, ещё один комментарий о личных отношениях участников — и в договоре появится штраф.

— Понял.

— Хорошо, что не согласились. Штраф всё равно появится.

Дверь мастерской открылась, и вошёл худой мужчина в зелёном дорожном плаще. На поясе у него висели две медицинские сумки, а над головой — имя Тариэля Войта.

— Простите, — сказал он. — У северных ворот возвращался караван. Две травмы связности.

Савва посмотрел на меня так, будто опоздание Тариэля подтверждало его теорию о гибели мира.

— Вы лечили бесплатно? — спросила Арина.

— Нет. За обещание заплатить.

— Это почти то же самое.

— Нет. Бесплатно человек благодарит. За обещание он начинает избегать тебя на улицах. Социальная диагностика получается точнее.

Тариэль положил сумки на пол, увидел чашу Майи и отодвинул её подальше от края.

— Почему у вас закрыт боевой вклад? — спросил я.

— Не закрыт. Нулевой.

— Так не бывает у Связующего двадцатого уровня.

— Бывает, если лечить после боя. Система считает, что мёртвым уже ничего не угрожает. В мастерской стало тихо.

Тариэль пожал плечами.

— Я возвращаю память после тяжёлых смертей. Это не наносит урона противнику и не повышает шанс победы в завершённом событии. Поэтому в рейтинге выглядит как хобби.

Четыре процесса Майи. Посмертное лечение Тариэля. Щит Саввы, который не превращал защиту в красивый урон.

Люди второго списка.

— Нам нужен практический тест, — сказал Савва. — Я не подпишу защиту группы после разговора за столом.

— Поблизости есть неисправный водосброс, — сказала Майя. — Хозяин мастерской обещал списать аренду тому, кто запустит его без замены сердечника.

— Почему до сих пор не запустили?

— Все пытаются заменить сердечник.

Я встал.

— Тогда место подходит.

✱

Водосброс находился под рынком. Каменная труба проходила через два подвальных этажа и заканчивалась решёткой, за которой вращалось ржавое колесо.

На стене висело задание.

ГОРОДСКАЯ РАБОТА: ВОССТАНОВИТЬ СТОК № 19

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ РОЛИ: КУЗНЕЦ / УДАРНИК

НАГРАДА: 180 СЕРЕБРА

— Вижу, почему никто не справился, — сказал я.

— Потому что мало платят? — уточнил Тариэль.

— Потому что рекомендуют ударить по тому, что заклинило под давлением.

Я коснулся решётки картографическим штырём. «Память маршрута» построила короткую схему: вход воды, колесо, два обводных канала. Один был забит. Второй система не показывала, хотя камень вокруг него оставался влажным.

— Савва, удержите колесо в текущем положении. Не сильнее.

— Если сорвётся, вода ударит сюда.

— Поэтому вы стоите перед нами.

— Уже лучше.

Он вставил край щита между зубьями. Над механизмом появился тег «удержание».

Майя смешала в колбе прозрачный раствор.

— Он разъест ржавчину за двадцать секунд. И пальцы за сорок.

— Надёжный запас.

— Чем ты это несла? — спросил Савва.

— В четвёртой сумке. Той самой, которую ты предлагал оставить.

Савва посмотрел на четыре сумки Майи, потом на свой единственный щит.

— Отзываю предложение.

— Поздно. Я его уже внесла в семейный архив ошибок.

Она ввела раствор в левый канал. Вспыхнул тег «разрыв».

Таризель приложил ладонь к треснувшей опоре и пустил по ней зелёную нить. Система долго не могла решить, считается ли камень пациентом, но потом приняла «восстановление».

— Арина, нужен импульс на мой счёт, — сказал я.

— Сколько?

— Малый. Если дам неправильный, Савва узнает, умеет ли щит плавать.

— Умеет, — сказал Савва. — Я — хуже.

Я вставил штырь во второй, невидимый канал. «Аварийная перемычка» ещё не была оформленным навыком, но пальцы помнили две физические шины и обгоревший разъём. Соединил медной проволокой зуб колеса и влажную пластину.

Конструкция.

Арина коснулась проволоки двумя пальцами.

Импульс.

Пять меток вспыхнули вокруг одного механизма.

ЦЕПОЧКА РОЛЕЙ: 5

УДЕРЖАНИЕ / РАЗРЫВ / ВОССТАНОВЛЕНИЕ / КОНСТРУКЦИЯ / ИМПУЛЬС

СОВОКУПНЫЙ БОНУС: +12%

Колесо дёрнулось. Савва удержал его, не пытаясь пересилить. Раствор Майи снял ржавчину с левого канала. Зелёная нить Таризеля не дала опоре расколоться. Мой провод направил часть давления в обход. Арина дала второй, короткий импульс.

Из трубы вылетела пробка чёрной грязи.

Вода пошла.

Она ударила в колесо, прокрутила его один раз и ровно стекла под рынок. Савва убрал щит только после того, как я показал закрытую задвижку.

Задание погасло.

РАБОТА ЗАВЕРШЕНА

ПОДТВЕРЖДЁННЫЙ ВКЛАД:

САВВА — 24% | МАЙЯ — 23% | ТАРИЭЛЬ — 17%

ГЛЕБ — 21% | АРИНА — 15%

НАГРАДА ГРУППЫ: 180 СЕРЕБРА / 910 ОПЫТА

УРОВЕНЬ 18 | ОПЫТ: 4 114 / 10 589

Майя смотрела не на деньги.

— Семнадцать процентов за восстановление опоры, — сказала она. — Обычно ему дали бы два.

Тариэль провёл пальцем по строке, проверяя, не исчезнет ли.

— Один раз дали три, — сказал он. — Там была очень дорогая опора.

Савва повернулся ко мне.

— Вы знали, что система покажет вклад?

— Нет.

— Но рассчитывали на это.

— Я рассчитывал запустить воду.

— В бою такой ответ не годится.

— В бою я скажу, что знаю, чего не знаю и когда ошибся. Если вам нужен командир, который обещает правильный исход, ищите Вереса.

Щит Саввы медленно опустился на плечо.

— А если ваши данные противоречат тому, что вижу я?

— Говорите вслух. До приказа. После приказа выполняете или объявляете выход из группы.

— Даже если приказ плохой?

— Особенно тогда. Молчаливое неповиновение ломает план хуже ошибки.

Он посмотрел на Майю.

— Что думаешь?

— Думаю, ты уже решил и теперь хочешь, чтобы решение выглядело общим.

Савва нахмурился.

— Я спросил.

— После того как торговался о командовании двадцать минут.

Майя вытерла колбу и убрала её в чехол.

— Я согласна на три испытательных выхода. Отдельный счёт. Отдельное право отказаться. И моё решение по алхимии не требует подтверждения мужа.

Последнее слово она произнесла спокойно. Савва кивнул слишком быстро.

Внешне они оставались крепкой парой: одинаковые кольца договорной клятвы, привычные движения, щит Саввы всегда между Майей и опасностью. Только при каждом общем решении он становился между ней и ответом.

Арина раскрыла договор.

— Все условия внесены. Господин Войт?

— Мне нужны доступ к журналу повреждений и запрет скрывать симптомы после смерти.

— Посмотрите на Глеба, — сказала она. — Поймёте, почему этот пункт уже есть.

Тариэль посмотрел на меня профессионально внимательно.

— Зрачки ровные. Дыхание тоже. Скрытые симптомы начинаются после вопроса «как вы себя чувствуете»?

— Обычно раньше. Я просто успеваю соврать.

— Тогда запрет сформулирован правильно.

Я подписал первым.

Савва — последним.

Брата Дыма мы нашли в архиве не востребованной собственности.

Он выглядел старше любого NPC, которого я встречал: сухое лицо, белая щетина, тёмная ряса с прожжённым рукавом. Перед ним стояли коробки с ключами от закрытых мастерских, умерших постоянных дворов и крепостей, владельцы которых не оплатили содержание.

— Глеб Раданов, — сказал он до того, как Арина представила нас. — Картограф, сломавший дорогой мост ради дешёвых людей.

— Люди были дороже.

— Поэтому вас и нет в Первом списке.

Он достал из коробки бронзовую табличку. На ней был вырезан силуэт низкой башни над кругом воды.

ОБЪЕКТ: КРЕПОСТЬ «СУХОЙ КЛЮЧ»

РАЙОН: ЗАПАДНЫЕ ИСТОКИ

СОСТОЯНИЕ: ЗАБРОШЕНА

СТАРТОВАЯ ЦЕНА: 2 240 СЕРЕБРА

ОЦЕНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ: 18 600 СЕРЕБРА

— Почему разница в восемь раз? — спросила Арина.

— В девять не позволили правила аукциона, — ответил Брат Дым.

— Вопрос был о причине.

NPC поднял на неё глаза. Они были дымчато-серыми, без обычного золотого ободка служебных персонажей.

— Стены целы на сорок один процент. Башня — на тридцать. Источник неисчерпаемый. До города два часа. Первый взнос можно внести завтра.

— Вы перечисляете достоинства, — сказал Савва.

— Недостаток один.

Брат Дым повернул табличку. На обратной стороне кто-то выцарапал пять слов.

ПОД КРЕПОСТЬЮ УМИРАЕТ ВОДА.

— Это метафора? — спросила Майя.

— Нет, госпожа Орлова. Метафоры не оставляют без дыхания тех, кто спускается в колодезь.

Я коснулся знака источника.

На миг за каменным кругом возник другой контур: металлический резервуар, две линии подачи и знакомая буква В.

Потом изображение исчезло.

— Когда осмотр? — спросил я.

Брат Дым улыбнулся.

— Для людей первого списка — никогда. Для вас — на рассвете.

ГЛАВА 7. КРЕПОСТЬ, КОТОРУЮ НИКТО НЕ ХОЧЕТ

До Сухого Ключа оказалось два часа только на карте.

Первые сорок минут дорога шла по белым террасам Истоков. Вода стекала между ними тонкими зеркальными слоями, не намочая и не отражая небо. Потом мост закончился табличкой «Временно закрыто», а временный обход успел стать постоянным болотом.

Савва трижды предложил вернуться за проводником.

Я трижды показал ему крепостную башню, видимую над камышом.

— Видимая цель не означает доступный маршрут, — сказал он.

— Наконец-то вы рассуждаете как Картограф.

— Я рассуждаю как человек, который несёт на себе половину имущества.

Майя шла рядом и несла вторую половину. Савва этого не замечал, потому что её имущество помещалось в четырёх сумках, а его было щитом.

Тариэль замыкал строй. В архиве он купил у Брата Дыма связку тонких бронзовых пластин и теперь отмечал ими безопасные кочки. NPC шёл впереди меня, хотя официально не входил в группу.

— Вы знаете дорогу? — спросил я.

— Я помню, где она была.

— Когда?

— Когда крепость ещё хотели.

Ответы Брата Дыма имели неприятное свойство звучать точнее вопросов.

Арина остановилась у очередной развилки. Слева в камыше мелькнула фигура. Наблюдатель спрятался слишком поздно.

— Контракт обновился, — сказала она.

За подтверждённое местоположение теперь платили сто шестьдесят серебра, за запись неизвестного навыка — триста.

— Я расту быстрее, чем по уровням.

— Не обольщайтесь. Это надбавка за расстояние.

Арина сняла с пояса пустой свиток, приложила к нему нашу маршрутную печать и отпустила. Свиток сложился в белую птицу и полетел назад к городу.

— Ложный журнал? — спросил я.

— Настоящий. Мы действительно пошли к Южному каналу.

— Но мы здесь.

— В договоре с перевозчиком записано, что заказ идёт к Южному каналу. Заказ — свиток. Мы идём отдельно.

Савва хмыкнул.

— Это законно?

— Разумеется.

— А честно?

— Поэтому законно сформулирован каждый пункт.

Через пять минут фигура в камышах побежала за птицей.

Я начал понимать, почему Верес предложил Арине место в дипломатической службе. И почему она туда не пошла.

✱

Крепость стояла на острове сухого камня.

Низкая внешняя стена охватывала двор, колодец и две башни. Третья лежала в воде длинной кучей белых блоков. Ворота отсутствовали, но петли сохранились. Над ними висело название, от которого отпали две буквы.

СУХОЙ КЛЮЧ превратился в СУХОЙ КЛЮ.

— Последнюю букву украли? — спросил Таризель.

— Сдали в ремонт, — ответил Брат Дым.

— Вернули?

— Счёт.

Во дворе было холоднее, чем в болоте. Голубая трава росла кругами вокруг колодца и чернела у самого сруба. Ни птиц, ни насекомых. Даже ветер, проходя над стеной, становился тише.

Майя опустила в колодец стеклянную пробирку. Через десять шагов вода стала серой. Через двадцать жидкость внутри замёрзла, хотя воздух оставался тёплым.

— Не яд, — сказала она. — Растворённого воздуха нет вообще. И вода продолжает его терять.

— Поэтому «умирает», — сказал Савва.

— Поэтому всё, что дышит в воде, умирает. Слова можно оставить поэтам.

Я обошёл сруб. В камне были вырезаны четыре канала. Три уходили к разрушенным зданиям, четвёртый — прямо вниз. На карте он выглядел вертикальным колодцем глубиной сорок семь шагов. «Память маршрута» показала старое состояние: вода в каналах, свет в башнях, пять жилых меток. Затем слой сменился.

Во втором состоянии по двору шла толстая синяя линия. Она не несла воду. Она несла то, что заставляло воду жить.

Кислород.

Я видел похожую схему в отсеке «Семирамиды». Резервный коллектор проходил под полом капсульного ряда и питал секцию В. Когда я соединил его с линией С, в Нижней Соли появился мост.

Здесь линия была оборвана у основания колодца.

— Что видите? — спросила Арина.

— Источник связан с резервом воздуха.

Она не уточнила, с каким резервом. После вчерашнего разговора мы добавили к договору условное слово: «капсулы» нельзя было произносить при людях, которые не знали о корабле.

— Насколько прямо?

— Пока не знаю. Камень переводит схему, но функция совпадает. Вода теряет воздух там, где на другой стороне повреждена подача.

— Предположение? — спросила Майя.

— Да.

— Проверим.

Она достала две пробирки. Одну заполнила водой из колодца. Вторую — из болотной лужи за стеной. В обе опустила по серебряной нити и добавила одинаковую каплю реагента.

Болотная вода вспенилась. Колодезная поглотила пузырьки без следа.

— Здесь не просто нет воздуха, — сказала Майя. — Что-то забирает его быстрее, чем я добавляю.

Под нами коротко ударил металл.

Круги чёрной травы дрогнули.

Савва закрыл Майю щитом.

— Назад от колодца.

— Я ещё не закончила пробу.

— Закончишь снаружи.

Он взял её за локоть и отвёл на три шага. Майя не вырвалась. Только закрыла пробирку и посмотрела на его руку. Савва отпустил не сразу.

Я отметил это в памяти, но не в разговоре. Некоторые конструкции нельзя чинить ударом по слабому узлу.

Осмотр занял три часа.

Система оценивала крепость честнее продавца.

КРЕПОСТЬ «СУХОЙ КЛЮЧ» — ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

СТЕНЫ: 41% | БАШНИ: 30% | ВОРОТА: 0%

ИСТОЧНИК: БЛОКИРОВАН

МАСТЕРСКАЯ: 18% | ЖИЛЫЕ МЕСТА: 5

ПОКУПКА: 2 240 СЕРЕБРА

РЕГИСТРАЦИЯ: 310 СЕРЕБРА

НЕДЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ: 430 СИГН

Сигна была гильдейской валютой Истоков. Её нельзя было купить за серебро напрямую. Система начисляла Сигны за работу крепости: очищенную воду, защищённые дороги, принятых ремесленников и выполненные общественные заказы. Пустая крепость не производила ничего, зато содержание требовала исправно.

— То есть после покупки у нас будет неделя, чтобы сделать её полезной, — сказал Таризель.

— Шесть дней, — поправил Брат Дым. — Аукционный день считается первым.

— Почему?

— Потому что Казначей умеют считать.

Наш общий фонд составлял тысячу восемьсот семьдесят серебра. Моих в нём было шестьсот двадцать, Ариновых — шестьсот, Савва и Майя внесли пятьсот вместе, Таризель — сто пятьдесят и обещание собрать старые долги.

До покупки и регистрации не хватало шестисот восьмидесяти.

До здравого смысла — больше.

— Не берём, — сказал Савва. — Без источника это не крепость, а дорогая стена вокруг ямы.

— Стена дешёвая, — заметил я.

— Яма дорогая.

Майя сидела на краю разрушенного фонтана и раскладывала образцы воды.

— Если восстановить хотя бы десятую часть потока, фильтры окупят содержание.

— Если, — сказал Савва.

— Ты пришёл защищать три испытательных выхода. Это первый.

— И на первом я говорю, что риск не оправдан.

— Риск для кого?

Савва не ответил.

Арина поднялась на стену. С дороги к крепости приближались шесть серебряных огней.

— Поздно обсуждать в одиночестве, — сказала она. — Казначей пришли обсуждать вместе.

Марек Тиль приехал на белом дорожном ящере, который стоил дороже крепости.

За ним шли двое нотариусов и трое охранников. Наблюдателей среди них не было. Когда человек приходил забирать объект целиком, скрываться не требовалось.

— Господин Раданов, — сказал Марек. — Вы удивительно быстро находите имущество, нуждающееся в финансовом решении.

— Оно само старается.

— Мы готовы помочь.

Перед нами раскрылся договор.

КРЕДИТНАЯ ЛИНИЯ КАЗНАЧЕЕВ ШЕСТИ

ЛИМИТ: 3 000 СЕРЕБРА

СТАВКА: 9% В НЕДЕЛЮ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ: КРЕПОСТЬ / БУДУЩИЕ КАРТЫ / ДОХОД ГРУППЫ

ДОСРОЧНОЕ ВЗЫСКАНИЕ: ПО РЕШЕНИЮ КРЕДИТОРА

— Девять процентов? — спросил Тариэль. — За неделю?

— Риск высокий.

— Для кого?

— Поэтому и высокий.

Марек улыбнулся. У него это получалось без участия лица.

— После восстановления источника оценочная стоимость превысит двадцать тысяч. Три тысячи — скромная цена возможности.

— И всех будущих карт, — сказала Арина.

— Только до погашения.

— Досрочное взыскание по вашему решению позволяет не дать нам погасить.

— Теоретическая трактовка.

— Юридическая.

Арина подняла договор двумя пальцами и начала удалять строки.

Нотариусы Марек одновременно шагнули вперёд.

— Документ защищён от изменения, — сказал первый.

— Я не меняю ваш документ. Я отклоняю его и создаю встречный.

Золотые строки рассыпались. На их месте появились новые.

ВСТРЕЧНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

СУММА: 800 СЕРЕБРА

ВОЗВРАТ: 40% ЧИСТОГО ДОХОДА КРЕПОСТИ

ПРЕДЕЛ ВЫПЛАТЫ: 1 040 СЕРЕБРА

СРОК: 8 НЕДЕЛЬ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ДОХОД КРЕПОСТИ

ЛИЧНЫЕ ДОЛГИ / КАРТЫ / ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ: НЕ ПЕРЕДАЮТСЯ

ПРИ НУЛЕВОМ ДОХОДЕ ПЛАТЁЖ РАВЕН НУЛЮ

Марек прочитал.

— Вы просите нас принять весь риск.

— Нет. Вы теряете максимум восемьсот. Мы теряем вложения, время и крепость.

— Сорок процентов чистого дохода можно сделать нулём расходами.

— Расходы подтверждаются вашим аудитором. Аудитор выбирается случайно системой из трёх сторон, не связанных ни с нами, ни с вами.

— Предел выплаты слишком низок.

— Тридцать процентов прибыли за восемь недель.

— Если прибыль появится.

— Тогда риск действительно высокий.

Марек перестал улыбаться.

Я читал договор и понимал слова по отдельности. Вместе они складывались в механизм сложнее крепостного источника. Арина привязала долг не к нам, а к результату. Если крепость не заработает, Казначей не смогут забрать мои карты, долг Саввы или инструменты Майи. Но я не видел всех способов обойти формулировки.

Марек видел.

И Арина видела, что он видит.

— Дайте нам минуту, — сказал я.

Мы отошли к колодцу.

— Есть скрытый риск? — спросил я.

— Три. Аудитор может признать частью дохода добычу из подземелий. Казначей могут заблокировать рынок, чтобы мы не заработали. И через восемь недель непогашенный остаток станет убытком крепости.

— Личным долгом?

— Нет.

— Правами на карту?

— Нет.

— Капсулами?

Она ответила после короткой паузы.

— Нет. Я добавила запрет на передачу любых прав, не перечисленных прямо.

— Тогда решайте вы.

Арина нахмурилась.

— Это ваши деньги.

— Наши. И ваш договор.

— Вы не понимаете его полностью.

— Поэтому и доверяю тому, кто понимает.

Сказать оказалось легче, чем оставить решение за ней. Я не вмешивался, когда она вернулась к Мареку. Не попросил добавить ещё один бессмысленный пункт. Не открыл прогноз, хотя служебный слой дрогнул на границе зрения.

Арина изменила предел выплаты до тысячи восьмидесяти и добавила право досрочного погашения без комиссии.

Марек добавил обязательную аукционную площадку Казначеев.

Она вычеркнула исключительность и оставила обычную комиссию пять процентов. Депозит за выставление товара — два процента, возвращаемый после продажи.

Они спорили двенадцать минут.

Потом Марек подписал.

— Поздравляю, — сказал он. — Теперь у вас есть крепость, которая не производит доход, и долг, зависящий от дохода.

— Симметрия успокаивает, — ответил я.

СДЕЛКА ЗАВЕРШЕНА

ОБЪЕКТ: КРЕПОСТЬ «СУХОЙ КЛЮЧ»

ПРАВО ВЛАДЕНИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ

УСЛОВИЕ ПРИЗНАНИЯ: ВОССТАНОВИТЬ ИСТОЧНИК

ОПЫТ ЗА ИССЛЕДОВАНИЕ И ДОГОВОР: 1 260

УРОВЕНЬ 18 | ОПЫТ: 5 374 / 10 589

Бронзовая табличка Брата Дыма стала тяжёлой. На карте крепости появились пять пустых мест владельцев.

— Шесть, — сказал NPC.

— Здесь пять меток.

— Пять для тех, кто сражается. Одна для того, кто помнит.

Он вставил в стену архивный ключ. Шестая метка проступила серым и не потребовала подписи.

Брат Дым вошёл в крепость первым из нас.

У порога он остановился, будто ждал запрета, который система забыла сформулировать. Потом провёл пальцами по внутренней стене и назвал имена трёх прежних владельцев. Двое продали доли Казначеем. Третий исчез после аварии Истока.

— Крепость помнит лучше рынка, — сказал он. — Рынок хранит только последнюю цену.

Я добавил прежние имена в журнал. Покупка давала нам стены, но не право начинать их историю с себя.

К вечеру мы закрыли пролом досками, очистили две комнаты и нашли в кладовой одиннадцать целых стульев. У стульев было двадцать три целые ножи, что Майя назвала хорошим началом производства.

Я сидел на стене и накладывал старую карту на новую. Линия воздуха под колодцем пульсировала раз в семь секунд. На физической схеме аварийный резерв включался с тем же интервалом.

Если я восстанавливаю источник, может проснуться часть кислородной системы корабля.

Если ошибусь — «умирать» начнёт не только вода.

Арина поднялась ко мне.

— Жалеете?

— О покупке или доверии?

— Хороший договор не требует выбирать.

— Тогда нет.

— А плохой?

— Пытается заставить вас без защиты и называет это выгодным моментом.

— Хорошо, что у нас есть Савва.

— Савва защищает от ударов. Мелкий шрифт — моя специализация.

Она села рядом, оставив между нами ровно столько места, чтобы жест нельзя было истолковать как обещание. Но достаточно мало, чтобы я заметил: формального запрета тоже не было.

Вдали вспыхнул золотой столб. На соседнем острове, отделённом от нас узкой протокой, из воздуха складывался флаг.

Белый круг. Золотой венец.

Первый круг.

Над землёй развернулось уведомление.

СОСЕДНИЙ УЗЕЛ «ЗАПАДНЫЙ РЕГУЛЯТОР» ПРИОБРЕТЁН

ВЛАДЕЛЕЦ; ПЕРВЫЙ КРУГ

ГРАНИЦА ВЛИЯНИЯ: 0,8 КМ

— Совпадение? — спросил я.

— Верес не покупает совпадения, — сказала Арина. — Он покупает соседей.

Под колодцем снова ударил металл.

На этот раз из глубины поднялся пузырь. Он лопнул у поверхности, и на секунду во дворе стало нечем дышать.

ГЛАВА 8. ПЕРВЫЙ ЯКОРЬ

На рассвете колодец начал дышать.

Каждые семь секунд вода уходила вниз на ширину ладони. Потом возвращалась и выбрасывала пузырь воздуха, от которого чернела трава. Через минуту всё повторялось.

Майя поставила вокруг сруба четыре стеклянных колбы. В первой вода теряла кислород за девять секунд. Во второй — за восемь. В третьей серебряная рыбка перестала двигаться до того, как Майя успела закрыть пробку.

— Рыба иллюзорная? — спросил Тариэль.

— Призванная.

— Тогда считается пациентом.

Он коснулся колбы зелёной нитью. Рыбка вздрогнула, но вода погасила лечение вместе с воздухом.

— Не опускайте туда руки, — сказал Тариэль.

Савва уже привязывал страховочную верёвку к поясу.

— Я спущусь первым.

— Нет, — сказала Майя.

Он поднял голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.